

**ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ,
КОТОРАЯ ЧИТАЕТСЯ КАК ТРИЛЛЕР**

ДЖОН ДУГЛАС, КРИМИНАЛИСТ
И СЦЕНАРИСТ СЕРИАЛА «ОХОТНИК ЗА РАЗУМОМ»

**СКОТЛЕНД-
ЯРД**

**САМЫЕ ГРОМКИЕ
УБИЙСТВА, КОТОРЫЕ
РАССЛЕДОВАЛА
ПОЛИЦИЯ ЛОНДОНА**

18+

САЙМОН РИД

Саймон Рид

**Скотленд-Ярд: Самые
громкие убийства, которые
расследовала полиция Лондона**

«Альпина Диджитал»

2024

УДК 343.9

ББК 67.73

Рид С.

Скотленд-Ярд: Самые громкие убийства, которые расследовала полиция Лондона / С. Рид — «Альпина Диджитал», 2024

ISBN 978-5-00-630634-9

В своей захватывающей книге журналист Саймон Рид, опираясь на богатый архивный материал и свидетельства о реальных преступлениях, раскрывает перед читателем два века работы Скотленд-Ярда. Эта, пожалуй, самая известная полицейская служба в мире фигурирует в рассказах о Шерлоке Холмсе и Эркюле Пуаро, но ее роль выходит далеко за пределы страниц детективных романов. За долгую историю Скотленд-Ярда его офицеры расследовали множество невероятных дел – от злодеяний детоубийц и головорезов с большой дороги до кровавых преступлений Джека-потрошителя. Несмотря на задержание трех подозреваемых, дело развалилось за недостатком улик. Тем не менее сам факт такого обращения за помощью подчеркивал растущую славу «Ярда»: новая служба получала все более широкую известность и становилась все более заметной. Казалось, все идет хорошо. Но вскоре ряд не связанных между собой нераскрытых убийств заставил общество подвергнуть сомнению компетентность Скотленд-Ярда. Вы узнаете, как закладывались стандарты полицейской работы и внедрялись передовые криминалистические методы, такие как дактилоскопия и психологический портрет преступника. Бейкеру показалось, что эти познания ла Роша как раз делают его самого идеальным подозреваемым, однако алиби мастера подтвердилось: в день убийства он был занят переездом. Обычно в ходе уголовных расследований трудно установить личность хотя бы одного подозреваемого. В случае же убийства Вествуда, напротив, трудность состояла в отсеивании кандидатов в подозреваемые, которых набралось довольно много. Особенности Уникальные фото и иллюстрации из архивных дел. Вечером в воскресенье, 15 июля, по просьбе властей Уилтшира из Лондона прибыл детектив-инспектор Джонатан Уичер, чтобы возглавить расследование. Дело, которое ему предстояло расследовать и о котором так кричали газетные заголовки, вскоре станет

основой для сюжетной схемы множества детективных романов об убийстве: загородное поместье, его умерщвленный обитатель, определенный набор подозреваемых (от аристократов до презренных слуг), которые в момент убийства все находились в доме. Для любителей детективов и тру-крайма, а также для всех, кто хочет больше узнать об истории британской криминалистики. Скотленд-Ярд – не просто собирательное название и штаб-квартира лондонской столичной полиции. Это нечто вплетенное в нашу культурную ткань, некий проводник между историей и популярной культурой. Сегодняшнее повальное увлечение тру-краймом во многом восходит к ранним делам «Ярда» с их газетными описаниями на языке сенсаций, с глубоким погружением прессы в уголовные процессы, с прославлением детективов. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 343.9

ББК 67.73

ISBN 978-5-00-630634-9

© Рид С., 2024

© Альпина Диджитал, 2024

Содержание

Пролог	9
1	21
2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Саймон Рид

Скотленд-Ярд: Самые громкие убийства, которые расследовала полиция Лондона

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Переводчик: *Алексей Капанадзе*
Редактор: *Евгений Яблоков*
Главный редактор: *Сергей Турко*
Руководитель проекта: *Лидия Разживайкина*
Арт-директор: *Юрий Буга*
Адаптация оригинальной обложки: *Денис Изотов*
Корректоры: *Елена Аксёнова, Оксана Дьяченко*
Компьютерная верстка: *Павел Кондратович*
Иллюстрация на обложке: *Getty Images, [shutterstock.com](https://www.shutterstock.com)*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Simon Read, 2024

This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd. and Synopsis Literary Agency.

© Издание на русском языке, перевод, оформление.

ООО «Альпина Пабlishер», 2025

* * *

САЙМОН РИД

СКОТЛЕНД-ЯРД

САМЫЕ ГРОМКИЕ УБИЙСТВА,
КОТОРЫЕ РАССЛЕДОВАЛА
ПОЛИЦИЯ ЛОНДОНА

Перевод с английского

АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР

Москва, 2025

*Моей маме,
большой любительнице «славного убийства»*

*И моему папе,
который днем и ночью настороже*

Правда должна выйти на свет: убийства долго скрывать нельзя!
У. ШЕКСПИР. Венецианский купец. Акт II, сцена 2¹

Убийство багровой нитью проходит сквозь бесцветную пряжу жизни, и наш долг – распутать эту нить, отделить ее и обнажить дюйм за дюймом.

**Шерлок Холмс в «Этюде в багровых тонах» сэра АРТУРА КОНАН
ДОЙЛА²**

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

² Перевод Н. Тренёвой.

Пролог «Ярд»

Убийства на Рэтклиффской дороге. Новая полиция

Эта дорога, главная транспортная артерия, ведущая из Лондона на восток, была явно не для робких путешественников. Само ее название Ratcliffe происходило от утеса (cliff) из красного песчаника, нависавшего над Уоппингскими болотами, и звучало довольно зловеще³. Дома со съемными квартирами и обветшалые коттеджи – прибежища матросов и вообще тех, кто служил в портах и на кораблях, ходивших по Темзе, рядами громоздились вдоль тесных улочек и переулков. К началу XIX века за этими местами прочно закрепилась недобрая слава рассадника «необузданного порока и пьяного насилия, всего самого грязного, буйного и развратного»⁴⁵.

Кабаками и лавками была полна узкая улица, тянувшаяся от Тауэра мимо Уоппинга («обычного места казни, где вешали пиратов и прочих морских разбойников») до Шедуэлла. Река, по которой суда доставляли товары в Лондон и из Лондона (товарообмен шел как с другими странами, так и с северными областями Британии), служила главным источником торгового дохода. Один из современников даже назвал эту дорогу «настоящей Риджент-стрит»⁶ для лондонских моряков»⁷.

Тимоти Марр, 24-летний торговец льняным товаром, был владельцем скромной лавки по адресу Рэтклифф-хайуэй, 29. Когда-то он ходил матросом на судах Ост-Индской компании, но в 1808 году оставил морскую жизнь ради более спокойного существования. В апреле 1811 года женился на девушке по имени Селия и вскоре открыл свой магазин, надеясь на грядущее коммерческое процветание. Эркер с рамой, выкрашенной в зеленый цвет, позволял прохожим увидеть полки, забитые товаром, а Марру – смотреть, как по Рэтклиффской дороге разъезжают конные повозки и телеги, перевозящие табак и пряности, сахар и ром, кофе и чай⁸.

7 декабря 1811 года, в субботу, незадолго до полуночи Марр, неутомимо трудившийся за прилавком и проголодавшийся после долгого рабочего дня, попросил свою служанку Маргарет Джуэлл сбежать за устрицами, а заодно оплатить счет у булочника. Закутавшись в шаль, она выскользнула на холодную ночную улицу. Окна лавок, рядами выстроившихся вдоль мостовой, почти все были темны, лишь кое-где пробивался тусклый желтый свет ламп. Маргарет поспешила к дверям «Устричной лавки Тейлора» (налево, через несколько домов), но обнаружила, что она уже не работает. В этот поздний час закрылась и булочная. «Меня не было всего-то минут двадцать, – рассказывала потом Маргарет, – но когда я вернулась, то увидела, что хозяйская лавка заперта и свет нигде не горит»⁹¹⁰.

³ Ratcliffe – «Крысиный утес». – *Здесь и далее прим. пер., если не оговорено иное.*

⁴ James and Critchley, 8; ...необузданного порока... Phillips, 19.

⁵ В квадратных скобках даны номера авторских примечаний, помещенных в конце книги.

⁶ Риджент-стрит – улица лондонского Вест-Энда, известная дорогами магазинами и ресторанами.

⁷ ...обычного места казни... Stowe, 157; ...настоящей Риджент-стрит... Tornbury, 134.

⁸ James and Critchley, 9, 11.

⁹ Здесь и далее мы стараемся передавать речь представителей «низших классов» более органично, чем это сделано в оригинале: автор был вынужден пользоваться источниками соответствующего времени, в которых даже служанки часто разговаривают как светские дамы. Возможно, к такому облагораживанию прибегали из соображений «приличия» или для придания тексту большей официальности (например, в судебных отчетах).

¹⁰ *The Evening Mail*, 'The Murders in Ratcliffe Highway,' 11 December, 1811.

Озадаченная служанка позвонила в дверь, но ответа не дождалась. Не могли же они успеть запереться на ночь и лечь спать за время ее совсем недолгого отсутствия? Когда она уходила, Марр еще не закончил раскладывать товары, готовясь к завтрашнему торговому дню, а Селия только-только спустилась в кухню (на цокольном этаже), чтобы покормить их трехмесячного сына. Маргарет все более настойчиво звонила в колокольчик. Из-за двери донесся тихий, но отчетливый звук шагов на лестнице. «А еще я услышала, как где-то тихонько плачет ребенок, – говорила она впоследствии. – Тогда опять стала названивать и даже ногой в дверь постучала»¹¹.

Казалось, прошла целая вечность, когда около часа ночи Джордж Олни, местный ночной сторож, обходя свой участок, подошел к дому, куда звонила и стучалась Маргарет, и спросил, отчего весь этот переполох. Рассказ служанки он счел странным и сам принялся колотить в дверь, громко зовя Марра. Но передняя часть лавки оставалась темной и безмолвной. Шум на улице привлек внимание Джона Мюррея, ростовщика, жившего по соседству. Оценив положение, он перелез через невысокую стенку в садик позади дома Марров и увидел огонек, мерцавший в одном из верхних окон. Затем вошел в лавку через черный ход.

– Марр, – позвал он. – Марр, у тебя ставни не заперты.

Молчание.

Мюррей поднялся по лестнице и обнаружил на площадке зажженную свечу. Подняв свечу повыше, он различил в ее бледном свете, что «две двери комнаты, где обыкновенно спал мистер Марр, открыты настежь». Из чувства приличия Мюррей не стал заглядывать в это помещение. Он спустился вниз, чтобы посмотреть, как дела в самой лавке, и здесь попал в кровавый кошмар¹².

В шести футах от нижней ступеньки он обнаружил 14-летнего Джеймса Гоуэна – мальчика-рассыльного, служившего у Марров, «лежащим ничком... с вышибленными мозгами, часть коих даже покрывала потолок; кровь виднелась также на стене и на прилавке». В ужасе, спотыкаясь, Мюррей прошел к входной двери и тут увидел Селию – она тоже лежала лицом вниз, и вокруг нее растекалась лужа крови. Между тем возле лавки успела собраться целая толпа зевак, смекнувших, что дело неладно. Они придвинулись поближе, когда дверь распахнулась и в проеме показался Мюррей. Свеча освещала его побледневшее лицо¹³.

– Входите же, ради всего святого, – вскричал он, – и посмотрите, какое здесь случилось жуткое убийство!

Толпа, теснясь, ринулась в лавку. Вошедшие переступили через «изувеченное кровоточащее тело» Селии, увидели мальчика-рассыльного, лежавшего у задней стены. Тимоти Марр «с весьма обильным головным кровотечением» лежал за прилавком. В поисках младенца, Тимоти-младшего, пришлось спуститься по лестнице в полуподвальную кухню. Ребенка обнаружили мертвым в колыбели. Кровь сочилась у него изо рта и из перерезанной шеи¹⁴.

Увидев весь этот ужас, Маргарет зашла в крике¹⁵.

¹¹ *The Morning Chronicle*, 'Horrid and Unparalleled Murders!' 9 December, 1811; *А еще я услышала...* *The Evening Mail*, 'The Murders in Ratcliffe Highway,' 11 December, 1811.

¹² *The Evening Mail*, 'The Murders in Ratcliffe Highway,' 11 December, 1811.

¹³ *The Morning Chronicle*, 'Horrid and Unparalleled Murders!' 9 December, 1811.

¹⁴ *The (London) Star*, 'The Murders in Ratcliffe Highway,' 11 December, 1881.

¹⁵ James and Critchley, 15.

* * *

Коронерское следствие проходило днем во вторник, 10 декабря, в пабе «Веселый моряк», через улицу от дома, где произошло убийство. Хирург¹⁶ Уильям Солтер, исследовав тела, дал официальные показания о результатах осмотра, подробно описав зверскую жестокость, выходящую далеко за рамки того, о чем поведали первые газетные сообщения:

У Тимоти Марра-младшего левая внешняя шейная артерия полностью рассечена; от левой стороны рта, поперек указанной артерии, проходит рана длиной не менее трех дюймов; на левой стороне лица видны несколько отметин, свидетельствующих об учиненном насилии. У Сесилии [sic] Марр, жены хозяина, трещина левой стороны черепа, височная кость совершенно уничтожена... У Тимоти Марра-старшего сломан нос. Затылочная кость также треснула; над правым глазом виден след мощного удара. Джеймс Гойн [врач пишет «Goin», а не «Gowen»], мальчик-помощник, получил несколько сильных ушибов лба и носа. Затылочные кости его ужасающим образом раздроблены, мозг частью просочился на внешнюю поверхность черепа, частью же рассеян вокруг¹⁷.

Когда Маргарет Джуэлл попросили рассказать об этом страшном вечере, «она оказалась столь потрясена переживаниями, что упала в обморок и всяческие усилия привести ее в чувство долгое время не приносили чаемого результата. Дальнейшим расспросам она не подвергалась». Коронерское жюри, посетив место преступления, осмотрело тела и заслушало показания сторожа Джорджа Олни и соседа Джона Мюррея, после чего вынесло вердикт об «умышленном убийстве, совершенном неустановленными лицами»¹⁸.

Это предварительное следствие не проливало света на вопросы «Кто?» и «Почему?», однако само преступление все-таки дало некоторые улики. Убийца (или убийцы) бросили в доме окровавленную деревянную киянку весом восемь фунтов¹⁹, какой пользуются корабельные плотники: инструмент, похожий на молоток, с бойком, у которого один конец закруглен (чтобы забивать заклепки на корабле), а другой заострен, «дабы сподручнее было загонять заклепку поглубже под деревянную поверхность». В одной из спален обнаружили также 20-дюймовое долото для работы по металлу, однако оно оказалось чистым²⁰.

«Громадная толпа» собралась на похороны семьи Марров, состоявшиеся в воскресенье, 15 декабря, в церкви Святого Георгия Восточного. Скорбящие выстроились от самых дверей лавки Марра, чтобы увидеть, как «убиенное семейство переселяется в мрачные смертные чертоги». По настоянию преподобного д-ра Фаррингдона собравшиеся в храме склонили головы, однако не все могли сдерживать «порыв произнести несколько крепких выражений среди всеобщей молитвы о небесном мщении, желая, чтобы оно обрушилось на головы неведомых душегубов». Семью погребли в общей могиле: «м-ра Марра – в одном гробу, а мать и младенца – в другом, вместе»²¹.

¹⁶ В те времена хирургами в Британии именовались врачи довольно широкого профиля; как правило, по статусу они были ниже «доктора», получившего полноценное медицинское образование. При этом существовали должности приходского хирурга (по сути, приходского врача), судового хирурга и т. п. – их мог занимать и «доктор».

¹⁷ *The Evening Mail*, 'The Murders in Ratcliffe Highway,' 11 December, 1811.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Около 3,5 кг.

²⁰ ...дабы сподручнее загонять... *The (London) Star*, 'Murder of Mr Marr and Family,' 10 December, 1811; *The London Courier and Evening Gazette*, 'Horrible Murders,' 9 December, 1811.

²¹ *The (London) Globe*, 'Interment of Mr and Mrs Marr, and Infant Son,' 16 December, 1811.

Местные жители еще не оправились от потрясения, вызванного этими убийствами, когда через пять дней, в пятницу, 20 декабря, газеты напечатали известие о новом страшном злодеянии. *The London Chronicle* едва ли не извиняется за то, что вынуждена обрушить эту трагедию на читателя:

С не меньшим ужасом и тревогою нам приходится сообщить, что еще три человека лишились жизни, пострадав от рук полночных убийц, всего в двух минутах пешей ходьбы от того самого места, где несколькими днями ранее погибла таким же образом семья несчастного м-ра Марра²².

Та же картина: разmozженные головы, глотки, перерезанные до кости. Это злодеяние свершилось в трактире «Королевский герб» по адресу Нью-Грэвел-лейн, 81. Жертвами стали 56-летний хозяин заведения Джон Уильямсон, его 60-летняя жена Элизабет и служанка пятидесяти с лишним лет по имени Бриджет Харрингтон, «которая собирала грязную посуду и прислуживала в баре». Уильямсоны, «лица весьма уважаемые во всей округе», заправляли в «Гербе» 15 лет, радушно принимая там как местных жителей, так и «всякого рода приезжих и иностранцев». Убийства произошли 19 декабря между одиннадцатью часами вечера и полуночью, уже после того, как трактир закрылся. Джон Тёрнер, жилец того же дома, адвокат по профессии, слышал, как трех жертв «бесчеловечно умерщвляли», – сам он при этом находился в относительной безопасности, поскольку его комната располагалась двумя этажами выше²³.

Тёрнер проживал в «Королевском гербе» восемь месяцев. Он считал Уильямсонов «миролюбивой четой» и вполне доброжелательными квартирными хозяевами. За несколько минут до одиннадцати он пожелал им спокойной ночи и прошел к себе наверх, пока супруги запирали двери.

– Я отправился спать и пролежал в кровати не более пяти минут, когда раздался весьма громкий стук во входную дверь, – вспоминал он, – и тотчас же услышал, как служанка вскричала: «Нас всех убивают!» или «Нас сейчас убьют!», два или три раза.

Затем послышались звук трех мощных ударов по чьему-то телу («не могу сказать, каким орудием») и отчаянный вопль Джона Уильямсона: «Я погиб!» Тёрнер все это время оставался в постели, не зажигая света, так что его комната была темной. Наконец все звуки прекратились. Ему потребовалось несколько минут, чтобы набраться храбрости и пойти посмотреть, что стряслось²⁴.

– Я выбрался из постели и стал прислушиваться у дверей, однако ничего не услышал, – рассказывал он. – Тогда я спустился на второй этаж, и снизу до меня донеслись три тяжелых вдоха. Потом услышал, как кто-то, ступая очень осторожно, пробирается через проходную комнату на первом этаже. К тому времени я, по-прежнему не одетый, успел спуститься до половины последней пары лестничных пролетов.

Сойдя с лестницы до конца, Тёрнер на цыпочках приблизился к двери, которая оказалась слегка приоткрыта. Он осторожно протиснулся между дверью и косяком, опасаясь, что петли могут закрипеть, если он решится отворить створку пошире.

– При свете свечи, горевшей в комнате, я увидел человека почти шести футов ростом²⁵, в обширном пальто грубой материи какого-то темного цвета, которое доходило ему до пят, – сообщил свидетель. – Он стоял ко мне спиной, по-видимому, склонившись над кем-то, словно обшаривая карманы жертвы.

²² *The London Chronicle*, 'More Murders at Ratcliffe,' 20 December, 1811.

²³ ...которая собирала грязную посуду... *The (London) News*, 'More Murders,' 22 December, 1811; ...лица весьма уважаемые... бесчеловечно умерщвляли... *The (London) National Register*, 'Another Murder!' 22 December, 1811; *The London Chronicle*, 'Coroner's Inquest,' 23 December, 1811.

²⁴ *The Public Ledger and Daily Advertiser*, 'Coroner's Inquest,' 23 December, 1811.

²⁵ Около 183 см (1 фунт = 30,48 см).

Тёрнер услышал отчетливый звон монет и увидел, как незнакомец выпрямляется и прячет в карман свою несправедную добычу.

– Я не разглядел его лица. Больше я никого там не увидел. Мною овладел страх, и я прошел к себе наверх. Я старался двигаться как можно быстрее, но при этом как можно тише.

Вернувшись к себе, Тёрнер испытал приступ настоящей паники. Он решил не прятаться под кровать (слишком очевидное место), а связал вместе две простыни и один конец получившегося жгута обвязал вокруг столбика кровати. Быстро накинув ночной колпак, рубашку и жилет, Тёрнер спустился по простыням из окна спальни, выходящего на улицу. Как раз во время этого спуска мимо проходил по своему маршруту ночной сторож, которого, что вполне естественно, заинтересовало необычное зрелище. Услышав рассказ Тёрнера, служитель порядка «воздел свою трещотку» и поднял тревогу.

Несколько мужчин, в том числе сосед Джордж Фокс, вняли этому призыву и вломились в дом через парадную дверь и чердачное окно – после того, как их стук и крики остались без ответа. Передний зал трактира оставался темным, однако в проходной комнате, где находилась кухня, что-то слабо светилось. Это привлекло их внимание.

– На столе горел огонек, – рассказывал Фокс. – В его свете я увидел, что возле камина лежит ничком миссис Уильямсон, головой к дверям. Горло у нее было перерезано, из раны текла кровь.

Разрез проходил от уха до уха, рассекая трахею. Вся правая сторона головы, с начисто содранной кожей и проломленными костями, была буквально разбита на куски «большой кочергой или иным подобным инструментом». Похоже, убийца обшарил ее карманы. Бриджет Харрингтон, служанка, лежала между телом Элизабет и камином; вокруг нее растекалась кровь, лившаяся из четырехдюймовой раны на шее и из отверстия на правой стороне головы, примерно четырех дюймов в длину и двух дюймов в ширину.

– А где сам старик Уильямсон? – окликнул своих спутников Фокс, с трудом выдавливая слова.

– Да вот он, – отозвался снизу один из тех, кто залез в дом через подвальное окно. – Ему глотку перерезали.

«Перерезали» – это еще мягко сказано. Лезвие убийцы вскрыло шею Уильямсона от уха до уха, «пройдя через трахею, или дыхательное горло, и достигнув шейных позвонков». Правая нога оказалась сломана над лодыжкой: возможно, во время нападения он скатился с лестницы²⁶.

Убийца удрал через заднее окно – оставив на открытом ставне кровавый отпечаток руки, спрыгнул с высоты восемь футов «на обширную пустошь, принадлежащую Лондонской портовой компании». Ему оставался единственный путь: вверх по береговому склону, покрытому мокрой глиной. Он неминуемо должен был взобраться на скользкую вершину на четвереньках, сильно запачкавшись глиной, прежде чем ему удалось бы скрыться. Но, несмотря на отчаянные поиски, замызганного убийцу никак не удавалось найти²⁷.

* * *

Убийства на Рэтклиффской дороге – на тот момент «несомненно, самые примечательные за все столетие» – породили невиданную для Лондона панику, какой не случалось вплоть до эпохи Джека-потрошителя. Но, как отмечено в одном историческом исследовании, «на Потрошителя охотились в городе, где уже работали 14 000 сотрудников Столичной полиции...

²⁶ Там же.

²⁷ ...на обширную пустошь... *The Stamford Mercury*, 'More Horrid Murders!' 27 December, 1811.

Между тем в 1811 году в Лондоне вообще не существовало эффективной полицейской организации»²⁸.

Тогда поддержанием правопорядка в британской столице занималась в основном не слишком пригодная для выполнения такой задачи и к тому же раздробленная система, состоявшая из констеблей и ночных сторожей (приписанных к церковным приходам, на которые был разбит город). Ночная стража патрулировала «тесные мощеные улицы Лондона и его промозглые переулки» с десяти вечера до восхода солнца. Сторожа, вооруженным фонарем и трещоткой, вменялось в обязанность реагировать на всякую подозрительную личность, какая им встретится во время обхода, однако было весьма вероятно, что эти блюстители порядка проведут все дежурство пьяными. Лондонский журнал *The Englishman* описывал типичную карательную будку как помещение, где можно застать «ночного констебля спящим, притом нередко в пьяном виде, посреди опустевших судков и стаканов, недавно полных джина с водой, украшающих собою стол и стулья, и все это являет собою картину безудержного разгула, ничуть не походя на место отправления сурового правосудия»²⁹.

В ист-эндском приходе Святого Георгия, где произошли описанные убийства, охрану несли «не более чем дюжина констеблей, работавших без жалованья» да «тридцать пять ночных сторожей, получавших по два шиллинга за ночь». Но этого было недостаточно. «Частые убийства, происходившие в восточной части столицы, не удастся раскрыть даже посредством самых бдительных усилий... а посему они требуют особого внимания тех, кто непосредственно облечен властными полномочиями, – отмечал один ист-эндский чиновник по следам рэтклиффских злодеяний. – Недавние и нынешние убийства позорят страну и даже, можно сказать, служат упреком самой цивилизации. Когда труды полиции... можно счесть недостаточными для защиты человеческой личности от учинителей насилия, без всякой возможности предать преступников справедливому суду и наказанию, наш дом перестает быть нашей крепостью и собственная постель уже не служит нам безопасным прибежищем»³⁰.

Действовавшее в ту пору лондонское учреждение, наиболее походившее на полицейское управление, являлось детищем адвоката, романиста и драматурга Генри Филдинга, занявшего в 1748 году должность главного городского судьи. Он стал работать в доме по адресу Боу-стрит, 4, где восемью годами раньше сэр Томас де Вейль, судья, учредил магистратский суд³¹. Как сообщала *The Illustrated London News*, «по большей части это темные, грязные, зловонные комнатухи, какая-то помесь голого, неприбранного, запущенного школьного класса и неприглядной камеры для предварительного заключения должников; вы принуждены пробираться сюда по целой паутине коридоров с низкими потолками»³². И далее:

Стены засалены и запачканы трением о них нескончаемых компаний несчастных оборванных свидетелей и обвинителей, а также друзей арестантов. Они прозябают во всех здешних проходах и переходах, извивающихся и перекрещивающихся между залом суда и омерзительными камерами, напоминающими ящики³³.

Именно здесь, вынося судебные решения среди «толп обнищавших, ужасающего вида мужчин и женщин, явившихся по повестке, или с жалобой, или же со встревоженным запро-

²⁸ ...несомненно, самые примечательные... De Quincey, 76; ...на Потрошителя охотились... Hurd, 101.

²⁹ ...тесные мощеные улицы Лондона... Read, 95–96; ...ночного констебля спящим... *The Englishman*, 'The New Police,' 4 October, 1829.

³⁰ ...не более чем дюжина констеблей... по два шиллинга за ночь. Hurd, 102; Частые убийства... *The London Chronicle*, 'Coroner's Inquest,' 23 December, 1811.

³¹ Местный или региональный суд с широкими полномочиями, разбиравший как гражданские, так и уголовные дела.

³² Read, 93–95; ...по большей части это темные... *The Illustrated London News*, 'The Police Offices of London,' 22 August, 1846.

³³ *The Illustrated London News*, 'The Police Offices of London,' 22 August, 1846.

сом о судьбе пропавших друзей или убежавших куда-то детей», Филдинг (возможно, «первый из англичан, задумавшийся о причинах преступлений») искал средства для борьбы с преступностью. В 1753 году он создал службу охраны правопорядка, состоявшую из семи честных мужчин – их прозвали «ищейки с Боу-стрит»³⁴. Им платили небольшое еженедельное жалование. «Ищейки» не носили форму, а опознать их можно было по короткой дубинке с навершием в виде золотой короны. «Ищейки» действовали энергичнее обычных приходских констеблей или вечно пьяных ночных сторожей – они «вдохновенно стремились выявлять исполнителей преступлений, а не только препятствовать тем, кто может замышлять какое-то злодейство»³⁵.

Джон, младший сводный брат Генри Филдинга, вскоре стал работать у него на Боу-стрит в качестве помощника. Ослепнув в 19-летнем возрасте в результате несчастного случая, Джон тем не менее весьма успешно изучал юриспруденцию и заработал репутацию неутомимого социального реформатора. Братья полагали, что страх поимки – могучее средство сдерживания тех, кто замышляет незаконные действия. С помощью «ищеек» и осведомителей им удавалось быть в курсе преступной деятельности в городе. Эти сведения они публиковали в иллюстрированной *Police Gazette*, руководя из конторы на Боу-стрит своего рода разведывательной сетью, действовавшей в преступной среде. В сущности, братья Филдинги развивали давно уже известное ремесло «ловца воров» («охотника на воров») – профессию несколько более сомнительную, чем «борец с преступностью»³⁶.

Ловцы воров, эти предприимчивые наемники, хорошо знавшие преступный мир Лондона, во многом действовали как «охотники за головами», выслеживая разного рода воров, убийц и разбойников за денежное вознаграждение. Они орудовали «в мире теней», зачастую столкнувшись со своей же добычей и осуществляя посредническую функцию – обсуждая с жертвой и преступником размер выкупа за возврат украденного имущества. Неудивительно, что многие из этих личностей использовали особенности сложившейся системы ради собственной выгоды. Хитроумный Джонатан Уайлд сколотил небольшое состояние, скупая краденое у тех, на кого якобы охотился, и отдавая вещи законным владельцам за повышенное вознаграждение. Вскоре он стал сотрудничать с ворами, помогая им выбирать жертв, которым потом за немалую сумму «возвращал» украденное³⁷.

Какое-то время все шло как по маслу. Но потом двое молодчиков из числа подручных Уайлда, арестованных за другое преступление, выдали его в обмен на снисхождение правосудия и помогли отправить «Верховного ловца воров Англии и Ирландии» на эшафот; его повесили 25 мая 1725 года. Насквозь фальшивая деятельность Уайлда ярко и откровенно продемонстрировала двуличие, характерное для ловцов воров. Его историю обессмертил вышедший в 1743 году роман «Жизнь и смерть великого Джонатана Уайлда», который написал не кто иной, как Генри Филдинг³⁸.

Филдинг умер в 1754 году. На посту боу-стритского судьи его сменил сводный брат Джон, который якобы умел опознавать «более трех тысяч преступников лишь по звучанию голоса». Этот энтузиаст, получивший прозвище Слепой Ключ с Боу-стрит, развивая инициативы Генри, выступал за создание организованных полицейских сил. Для надзора за преступной деятельностью он учредил архивную систему, которая станет прообразом Отдела регистрации преступлений и преступников Скотленд-Ярда. В начале 1760-х Джону Филдингу удалось ненадолго убедить правительство обеспечить финансирование для десяти верховых, патрулировавших

³⁴ Bow Street Runners, *букв.* «бегуны с Боу-стрит». В отечественной литературе встречается также название «сыщики с Боу-стрит».

³⁵ ...*топн обещающих...* *The Illustrated London News*, 'The Police Offices of London,' 22 August, 1846; ...*первый из англичан...* Begg and Skinner, 7; ...*вдохновенно стремились выявлять...* Fido and Skinner, 28.

³⁶ Read, 96.

³⁷ Там же, 98.

³⁸ Там же, 96, 99.

дороги, которые вели в Лондон, дабы справиться с засильем разбойников. Затея оказалась плодотворной, но всего через 18 месяцев пала жертвой «скупости казначейства». Конные патрули вновь появятся (уже на постоянной основе) лишь в 1783 году³⁹.

Между тем «ищейки с Боу-стрит» появлялись и при других магистратских судах, перенимавших систему Филдинга и набиравших собственных констеблей для обнаружения преступлений. К тому же в 1800 году была создана Речная полиция Темзы, которой предписывалось патрулировать водные пути столицы. Увы, ни одна из этих структур не помогла раскрыть убийства на Рэтклиффской дороге, поскольку разнородные полицейские силы относились друг к другу с немалым подозрением. Как отмечал один лондонский судья, «различные служители полиции держат получаемые сведения при себе, не желая делиться ими с другими, дабы при случае именно себе приписать заслугу обнаружения правонарушителей и воспользоваться соответствующими преимуществами»⁴⁰.

Лондону, этому сердцу Британской империи, отчаянно не хватало профессиональной полиции – факт, который рэтклиффские убийства мрачно и настоятельно подчеркнули. «Почти каждую неделю в той или иной газете появлялась откровенная статья о росте числа насильственных преступлений, о продажности полиции или о несведущих судьях, – отмечается в одном историческом исследовании. – Общее, пусть и смутное, ощущение неудовлетворенности положением, возможно, улеглось бы, как не раз в прошлом успокаивалось сходное возбуждение; требовался какой-то толчок, дабы придать ему веса, и ужасающие трагедии на Рэтклиффской дороге как раз и обеспечили его»⁴¹.

Расследование убийств, шедшее в тогдашних условиях через пень-колоду, дало не слишком утешительные результаты после того, как два жильца, обитавшие при пабе «Грушевое дерево», донесли на жившего там же моряка по имени Джон Уильямс. Спустя три дня после кровавой трагедии в «Королевском гербе» Уильямса арестовали по косвенным уликам: киянка, найденная в доме Марра, по описанию походила на ту, которая пропала из «Грушевого дерева»; Уильямс недавно сбрил бороду; у него откуда ни возьмись появились деньги; когда-то он служил на том же двухмачтовом паруснике, что и Тимоти Марр; прачки, стиравшие его одежду, заявили, что «за эти две недели дважды» замечали кровь на его рубашке; наконец, в кармане жилета Уильямса констебли обнаружили «окровавленный нож особой формы», который «мог стать причиной шейных ран» при убийствах в доме Марров⁴².

Но Уильямс, «подвергнутый весьма длительному и суровому допросу», упорно настаивал на своей невинности. До суда его поместили в тюрьму Колдбат-Филдс, где вскоре Уильямс повесился в камере – на «белом шейном платке», обвязанном вокруг планки, на которую обычно вешали одежду и белье. «По осмотру тела предположили, что он совершил сие деяние незадолго до того, как его труп обнаружили, – сообщала лондонская газета *The Star*. – Глаза и рот его были открыты, и состояние тела явно свидетельствовало о весьма тяжелых предсмертных борениях»⁴³.

Так Уильямс лишил публику возможности почувствовать, что преступника постигло справедливое и законное возмездие. Его тело провезли «на высокой телеге мимо домов Марра и Уильямсона, а затем в грудь ему воткнули кол, после чего он был сброшен в яму, нарочно вырытую для такой цели на Нью-роуд, в начале Кэннон-стрит-роуд»⁴⁴.

³⁹ ...более 3000 преступников... Там же, 100–101; ...скупости казначейства. Fido and Skinner, 28.

⁴⁰ Hurd, 103.

⁴¹ Browne, 54.

⁴² Там же, 60–61.

⁴³ *The (London) Star*, 'The Late Murders,' 28 December, 1811.

⁴⁴ Cunningham, 692.

* * *

Убийства на Рэтклиффской дороге убедили «думающую часть публики в настоятельной необходимости полного пересмотра всей полицейской системы». Идею профессионального, централизованного департамента полиции рассматривали и прежде, но она неизменно угасала из-за опасений общества и политиков, что такого рода организация может ограничить гражданские свободы и оказаться военизированной по своей природе. Теперь подобные страхи начали отступать – впрочем, это было справедливо скорее для обычного населения, чем для членов парламента, «которые сохраняли зашоренный взгляд на социальный упадок вокруг»⁴⁵.

В марте 1822 года 34-летний министр внутренних дел Роберт Пиль, богатый сын текстильного магната, получивший образование в Итоне и Оксфорде, организовал в парламенте Особый комитет⁴⁶ для изучения возможности создания в Лондоне «системы полиции, наиболее совершенной в смысле соответствия натуре свободной страны». Пиллю были не чужды полицейские вопросы. На своем предыдущем правительственном посту – главного секретаря по ирландским делам – он учредил Ирландскую полицию поддержания мира, «предшественницу Королевской ирландской полиции»⁴⁷.

Комитет, созданный Пилем, три месяца исследовал проблему, после чего выпустил итоговый доклад, где отмечалось, сколь «трудно примирить какую-либо эффективную полицейскую систему с идеальной свободой действий и неподверженности ненужному вмешательству, кои суть великие преимущества и блага нашего общества». Указывалось, что ограничение этих привилегий «станет слишком тяжелой жертвой ради усовершенствования полиции и иных учреждений, призванных выявлять преступления»⁴⁸.

Разочарованный, но не утративший решимости, Пиль еще несколько лет занимался реформой системы правосудия и упрощением слишком громоздкого уголовного кодекса страны. В апреле 1829 года он внес в парламент законопроект под названием «Об усовершенствовании полиции в столице и окрестностях»⁴⁹. В нем говорилось:

Местные учреждения ночной стражи и ночной полиции сочтены неподходящими для предотвращения, обнаружения и расследования преступлений в силу частой профессиональной непригодности лиц, исполняющих эти обязанности, недостаточности их числа, ограниченной сферы их полномочий и малой степени их связи и сотрудничества друг с другом.

Отмечалось также:

Крайне необходимо ввести более эффективную полицейскую систему на смену существующим учреждениям ночной стражи и ночной полиции⁵⁰.

– Долг парламента, – объявил Пиль, представляя свой законопроект перед парламентариями, – обеспечить жителей столицы и ее окрестностей полной и всеобъемлющей защитой

⁴⁵ ...думающую часть публики... Browne, 53; ...которые сохраняли зашоренный взгляд... Begg and Skinner, 14.

⁴⁶ Особый (специальный) комитет (Особая комиссия) – временная структура в парламенте, создаваемая исключительно для решения некоего конкретного вопроса. Как правило, не имеет права рассматривать и представлять в парламенте какие-либо законопроекты (в отличие от постоянных комитетов).

⁴⁷ ...системы полиции... Hurd, 71; ...предшественницу Королевской ирландской... Fido and Skinner, 193.

⁴⁸ ...трудно примирить какую-либо... призванных выявлять преступления. Hurd, 71.

⁴⁹ Begg and Skinner, 16.

⁵⁰ Вступительные замечания к Закону о Столичной полиции (Metropolitan Police Act), 1829, см.: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo4/10/44/introduction>.

закона, а также принять быстрые и решительные меры для сдерживания роста преступности, которая ныне ширится с устрашающей стремительностью⁵¹.

С таким мнением трудно было спорить. Народные волнения и преступность в Лондоне, подстегиваемые безработицей и экономической системой, едва ли благоприятствовавшей беднякам, стали вызывать у властей и общества серьезные опасения. На сей раз у законопроекта оказалось мало противников. 19 июня 1829 года он стал законом, согласно которому была официально учреждена Лондонская столичная полиция – первая в мире профессиональная и централизованная полицейская организация. Эта новая структура будет отвечать за территорию, названную Полицейским округом Лондона, – в радиусе 12 миль от центра столицы (им считается перекресток Чаринг-кросс). Округ делился на «17 районных управлений, обозначенных буквами от А до Т», в каждом из которых должны были работать 165 сотрудников. Два магистрата (судьи), которые вскоре станут именоваться комиссарами, будут осуществлять общее руководство этой полицией и подчиняться непосредственно министру внутренних дел⁵².

Уже через несколько недель Пиль привлек к делу 46-летнего полковника Чарльза Роуэна, армейского ветерана, некогда служившего под началом Веллингтона при Ватерлоо и являвшегося специалистом по системе военных патрулей, а также Ричарда Мейна, 32-летнего ирландского адвоката, принесшего в руководство полицией богатый юридический опыт. Обоим предстояло на ходу обучаться искусству управления новосозданной полицейской организацией, поскольку ни тот, ни другой «не имел, в сущности, ни малейшего понятия, что и как ему следует делать»⁵³.

Вероятно, то же самое можно было сказать об их подчиненных, не отличавшихся хорошей подготовкой. «Новая полиция» (как ее называли в печати) первоначально состояла из восьми суперинтендантов, 20 инспекторов, 88 сержантов и 895 констеблей. Констебль зарабатывал три шиллинга в день. За первые шесть месяцев в новую службу набрали 3200 человек, но половину вскоре уволили за пьянство на посту или за то, что они вообще не вышли на работу. Пиль «создавал организационную структуру лондонской полиции, ориентируясь на военные традиции, в том числе касательно формы, обозначений чинов и званий, а также авторитарной системы подчинения и дисциплины»⁵⁴.

Основной задачей Новой полиции стало не просто выявление, а предотвращение преступлений. «Именно к этой великой цели, – отмечалось в первом уставе, составленном для новой службы, – должны быть направлены все стремления полиции. Таким путем безопасность личности и имущества, сохранение общественного спокойствия и другие задачи, присущие всякому полицейскому учреждению, будут достигаться гораздо действеннее, нежели посредством обнаружения и наказания правонарушителя – уже после того, как он успешно совершил свое преступление»⁵⁵.

Объявлялось, что карьерный путь сотрудника полиции «будет связан со снижением преступности», – по сути, это стало «предвестием нынешней системы расчета заработной платы на основе производительности труда работника». Констебли патрулировали улицы в форме, которая не позволяла усомниться, что перед вами служитель закона, однако оставляла желать лучшего в смысле комфорта для ее носителя. «Мне приходилось напяливать на себя мундир с коротенькими полами и высокую заячью шапку, покрытую кожей, весом 18 унций⁵⁶, – вспоминал один из первых сотрудников новой службы, – пару высоких сапог-веллингтонов, тол-

⁵¹ Begg and Skinner, 16.

⁵² ...17 районных управлений... Fido and Skinner, 12; Browne, 81; Hurd, 103.

⁵³ Fido and Skinner, 12; Hurd, 103; ...не имел, в сущности, ни малейшего понятия... Begg and Skinner, 18.

⁵⁴ Moss and Skinner, 13–15; ...создавал организационную структуру... Walker and Katz, 25.

⁵⁵ Fido and Skinner, 15–16.

⁵⁶ Около 0,5 кг.

щиной не меньше одной шестнадцатой дюйма, и ремень примерно четырех дюймов шириной с огромной латунной пряжкой дюймов шести в поперечнике»⁵⁷.

* * *

Штаб-квартира Новой полиции разместились в доме 4 по Уайтхолл-плейс; задней стороной дом был «обращен к улочке под названием Грейт-Скотленд-Ярд». Происхождение ее названия не вполне ясно; наиболее распространенной является версия, согласно которой, возможно, именно на этом месте некогда находилась резиденция шотландских королей, где они проживали во время ежегодного паломничества, когда им надлежало принести клятву верности своим старшим английским собратям. Согласно другой версии, в Средние века эта земля принадлежала человеку по имени Адам Скотт⁵⁸. Так или иначе, словосочетание «Скотленд-Ярд», какова бы ни была его этимология, вскоре стало обозначать и саму Лондонскую столичную полицию, и ее штаб-квартиру⁵⁹.

К сентябрю 1829 года, когда вербовка сотрудников еще шла полным ходом, шесть районных управлений Скотленд-Ярда уже были готовы к работе. Вечером 29 сентября, во вторник, первые констебли (в обиходе их называли «бобби» и «пилеры» – в честь Роберта [«Бобби»] Пиля) заступили на дежурство, выйдя из «еще не доделанного здания полицейского управления в Скотленд-Ярде и из пяти старых караульных». Днем они успели предварительно осмотреть свои участки, теперь же прошагали «колонной по одному по кромке мостовой и приступили к исполнению своих обязанностей»⁶⁰.

«Насколько их численность, будучи рассредоточена согласно распорядку, окажется сопоставима с количеством их сонных и недисциплинированных предшественников, мы пока не можем судить, – размышляла одна газета. – Но если, что вполне вероятно, выяснится, что в этом отношении они оставляют желать лучшего, публика, мы полагаем, не замедлит осознать: зато они куда более пригодны к несению такой службы и куда более умело организованы как единый отряд»⁶¹.

Новая структура не стала терять времени и вскоре недвусмысленно заявила о своем присутствии. «Могу засвидетельствовать: с тех пор как новая полиция приступила к службе, – писал 6 октября некий читатель *The Times* (газета опубликовала его письмо на следующий день), – на западных наших улицах воцарилось спокойствие... Следует надеяться, что полисмены [пока еще через дефис] и впредь будут неуклонно очищать наши улицы от буянов и пьяниц и что, проделывая это, они поспособствуют улучшению нравов злодеев, устрашению юных неискушенных простаков и обеспечению безопасности мирных обитателей нашей великой столицы»⁶².

Впрочем, не все были в восторге. Многие по-прежнему считали, что новая организация – скопище правительственных агентов, чья тайная цель – насаждение полицейского государства. Недоверие проявлялось в «словесных и физических нападках на полисменов». Ранним утром в воскресенье, 11 октября, «толпы пьяных и буйных представителей обоих полов по обыкновению собрались» в печально известном камденском квартале «Семь циферблатов». Когда на

⁵⁷ ...будет связан... предвестием нынешней системы... Fido and Skinner, 15; Мне приходилось напяливать... Begg and Skinner, 18–19.

⁵⁸ Scott Land – букв. «земля Скотта».

⁵⁹ ...обращен к улочке под названием... Begg and Skinner, 17; Происхождение названия... Fido and Skinner, 234; Moss and Skinner, 17.

⁶⁰ ...еще не доделанного здания... и «приступили к исполнению своих обязанностей». Browne, 87.

⁶¹ *The Birmingham (UK) Journal*, 'The New Police London,' 3 October, 1829.

⁶² Могу засвидетельствовать... Письмо в редакцию, *The Times*, 7 October, 1829.

место прибыл небольшой контингент констеблей, толпа набросилась на сотрудников полиции с криками: «Вот они, чертовы полисмены!» и «Вот они, жандарморды!»⁶³.

Пьяный сброд бушевал все необузданнее, и «находившиеся на дежурстве обнаружили, что попали в опасное положение, ибо по численности намного уступали собравшимся». Вскоре «из близлежащих полицейских участков» прибыли подкрепления в количестве 50 сотрудников и рассеяли толпу, задержав около 30 человек. Не прошло и четверти часа, как квартал (по словам одного из очевидцев) «обрел столь же тихий, чинный и приличный вид, как площадь Сент-Джеймс»⁶⁴.

Как писала *The Times*, этот случай стал «практическим примером бодрости и решимости, с которыми сие новое гражданское учреждение, по-видимому, с готовностью исполнило свою неприятную, но необходимую обязанность». О да, неприятную. 29 июня 1830 года полицейский констебль (Police Constable, P. C.) Джозеф Грантем попытался разнять двух пьяных, вступивших в драку между собой. Он стал первым сотрудником Скотленд-Ярда, погибшим при исполнении: в ходе потасовки его свалили на землю, после чего он получил удар ногой в висок. Накануне жена Грантема разродилась двойней. А через полтора месяца, 16 августа, вор нанес констеблю Джону Лонгу смертельное ножевое ранение в сердце (дело было возле Грейз-Инн-роуд)⁶⁵.

Что ни говори, сотрудники Скотленд-Ярда проходили суровую школу. Но они хорошо усваивали уроки, хотя те были нелегкими и кровавыми. В первое время казалось немыслимым, что созданная служба задаст новые стандарты полицейской работы, однако ей это удалось – на всем протяжении XIX века и вплоть до кануна Второй мировой. Новая структура внедряла применение передовых криминалистических методов – от исследования отпечатков пальцев до баллистики и сбора улики; она сделала первые попытки составления психологических портретов преступников (профайлинга); более того, она захватила воображение публики по обе стороны Атлантики благодаря настоящим подвигам сыскной работы, соперничавшим с деяниями героев лучших детективных романов. Короче говоря, имя новой полицейской службы со временем станет широко известным и самым узнаваемым. Но Скотленд-Ярд выстраивал свою репутацию постепенно – распутывая все новые и новые дела, одно другого мрачнее.

⁶³ ...словесных и физических нападках... Begg and Skinner, 19; ...толпы пьяных и буйных... «Вот они, жандарморды!». *The Times*, 'The New Police,' 14 October, 1829.

⁶⁴ Сент-Джеймс-сквер – площадь перед Сент-Джеймским дворцом, в самом центре Лондона.

⁶⁵ *The Times*, 'The New Police,' 14 October, 1829.

⁶⁶ ...практическим примером... *The Times*, 'The New Police,' 14 October, 1829; Fido and Skinner, 106; Begg and Skinner, 19–20.

1

Осквернители праха

«Воскресители». Экскурсии по местам былых преступлений

Они трудились в неверном свете переносных фонарей, пробираясь от одной могилы к другой, разрывая и извлекая, оставляя после себя следы гнили и осквернения. Утром, когда служители открыли кладбищенские ворота, их глазам предстали среди перекошенных могильных камней «распахнутые гробы, чьи ныне покойные жильцы оставались открыты всем ужасам – отвратительным ужасам – разложения и гниения». А четыре вытасненных из земли гроба лежали «вовсе лишившись своего содержимого, если не считать одежды мертвецов». Такую ужасную работу проделали «черные» эксгуматоры ноябрьской ночью 1830 года на одном из кладбищ Кембриджшира⁶⁷.

Похищение тел – ограбление могил в поисках свежих трупов – стало в Британии XIX века весьма распространенным и прибыльным промыслом. Именно на этом мрачном фоне Мэри Шелли опубликовала свой роман «Франкенштейн, или Современный Прометей». Эта книга во многом являет собой безрадостное исследование проблем смерти и нравственности научных экспериментов – то и другое весьма занимало тогда общественное сознание. «Чтобы рассмотреть причины жизни, – пишет доктор Франкенштейн, – мы должны первым делом обратиться к смерти. Я освоил науку анатомии, однако этого оказалось недостаточно; мне надлежит еще пронаблюдать за распадом и разложением человеческого тела». Чтобы найти сырье, необходимое для его ужасных опытов, Франкенштейн (как он сам признается) вынужден «ворошить оскверненную сырость могилы»⁶⁸.

Как и в романе (впервые опубликованном в 1818 году), развитие медицинской науки и обострившееся желание разобраться в человеческой анатомии подпитывали вполне реальную и весьма зловещую преступную отрасль – расхищение гробниц. В 1823–1834 годах в Лондоне и окрестностях открылось 10 медицинских школ. В этот период Особый комитет по анатомии, созданный при парламенте, выпустил отчет, где отмечалось: «Полагаем, в медицинских школах Лондона обучаются около 800 студентов, из коих около 500 практикуют вскрытия». Для удовлетворения такого спроса ежегодно требовалось «450–500 трупов». Как выяснилось, покойники – товар ходовой⁶⁹.

Тела повешенных за убийство традиционно становились материалом для медицинских исследований, что стало следствием «Закона об убийствах» 1751 года, в котором такие трупы предписывалось «переправлять... в зал Хирургической компании... где хирургу надлежит вскрывать и анатомировать их». Однако в XIX веке, со снижением числа казней и повышением количества студентов-медиков, предложение уже не могло удовлетворять возросший спрос⁷⁰.

«Абсолютная необходимость запастись порядочным количеством [трупов] для использования студентами, дабы предотвратить их отток в конкурирующие школы, – отмечается в одном исследовании, – принуждала преподавателей покупать сей товар по немалой цене.

⁶⁷ *Drakard's Stamford News*, 'Resurrectionists,' 26 November, 1830.

⁶⁸ Shelley, 37–38, 40.

⁶⁹ Все сведения, приведенные в данном абзаце, почерпнуты в: 'The study of anatomy in England from 1700 to the early 20th century,' *Journal of Anatomy*, August 2011 (vol. 19, issue 2); опубликовано в интернете 18 апреля 2011 года.

⁷⁰ Текст из Закона об убийстве, 1751, The Statutes Project, 1751: 25 George 2 c. 37: The Murder Act.

Поэтому некоторые оборотистые господа сочли выгодным всецело посвятить себя добыче тел для данной цели»⁷¹.

Это и были «воскресители», названные так потому, что «возвращали» мертвецов в наш мир – как бы воскрешали. Зачастую основным ремеслом этих людей было воровство; они представляли «наиболее отчаявшееся, всеми брошенное сословие среди местных жителей». Они сбивались в шайки, которые по ночам обшаривали кладбища в поисках недавно засыпанных могил и свежего товара. Одни извлекали гробы из земли целиком, другие подходили к делу с большей, так сказать, утонченностью. Такие умельцы докапывались до гроба, вскрывали его ломом, обвязывали труп веревкой (за шею или под мышками) и выволакивали из вечного пристанища. Одна газета возмущенно писала, что именно «в результате подобных ужасных преступлений столы в анатомических театрах широко изобилуют трупами». Ужасные не ужасные, но промысел оказался весьма прибыльным. Свежий труп часто удавалось сбыть за целых 16 гиней (по современным ценам это 2200–2800 фунтов)^{72,73}.

Для предотвращения подобных осквернений церковное и кладбищенское начальство стало нанимать ночных сторожей и возводить «высокие стены, засыпанные поверху толченым стеклом или же утыканные железными пиками». Нередко сами скорбящие родственники ночь за ночью несли караул у могил новопреставленных до тех пор, пока нельзя было с уверенностью сказать, что труп сгнил⁷⁴. Некий джентльмен-изобретатель предложил оригинальную идею. Вот что писала 27 февраля 1830 года газета *The Northampton Mercury*:

Ради сохранности мертвецов. – Один сельский механик, стремясь уберечь тела покойников от жадных рук «воскресителей», говорит: «Я могу пристроить в гробу 6-фунтовую гранату, снабженную пружиной и ударным капсюлем, притом защитив ее от влаги и добившись, чтобы она оставалась действенной в течение трех месяцев; если в означенный период «воскреситель» попытается извлечь либо труп, либо гроб, его ждет почти неминуемая и мгновенная гибель». Берегитесь, «воскресители»!⁷⁵

Некоторые не ограничивались расхищением могил. В 1828 году на протяжении 10 месяцев 16 жителей Эдинбурга погибли от рук печально знаменитых Уильяма Бёрка и Уильяма Хэйра. Удушение путем осторожного лишения воздуха (так называемый бёркинг) стало для них излюбленным методом убийства, поскольку не оставляло видимых следов насилия. Один местный анатом, не знавший, откуда поступил товар, приобрел трупы их жертв для своих лекций. В октябре парочку схватили, но Хэйр сумел опровергнуть доказательства, представленные государственным обвинением, и избежал эшафота. Бёрк же 28 января 1829 года закачался в петле. Четыре дня спустя Александр Монро, профессор анатомии из Эдинбургского университета, произвел публичное вскрытие тела самого Бёрка⁷⁶.

⁷¹ *Абсолютная необходимость...* Bailey, 44.

⁷² Гиней равнялась 1,05 фунта стерлингов: в гинее был 21 шиллинг, в фунте – 20.

⁷³ ...наиболее отчаявшееся... удавалось сбыть за целых 16 гиней... Bailey, 45, 47; о методах похищения трупов: Pietila, Antero (October 2018), 'In Need of Cadavers, 19th Century Medical Students Raided Baltimore's Graves,' *Smithsonian Magazine* (<https://www.smithsonianmag.com/history/in-need-cadavers-19th-century-medical-students-raided-baltimores-graves-180970629/>); ...в результате подобных ужасных преступлений... *The Berkshire Chronicle*, 'A Knowledge of Anatomy obtained without the assistance of Burkers or Resurrectionists,' 31 December, 1831.

⁷⁴ ...высокие стены, засыпанные... Нередко сами скорбящие родственники... Jackson, 108.

⁷⁵ *The Northampton Mercury*, 'Preservation of the Dead,' 27 February, 1830.

⁷⁶ ;BBC (20 June, 2014), 'The macabre world of books bound in human skin'; *The Scotsman*, 'Dressed to Kill: Burke Trial Gown Found After 200 Years'. 6 August, 2012; 'William Burke,' The University of Edinburgh Anatomical Museum website.

* * *

Звонок в прозекторской Королевского колледжа, недавно учрежденного в британской столице (в самом центре, на Стрэнде), прозвенел в субботу, 5 ноября 1831 года, в 11:45. Уильям Хилл, служивший в анатомическом театре подсобным рабочим, открыл дверь и впустил Джонатана Бишопа и Джеймса Мэя. Он знал обоих: ему доводилось покупать у них трупы. Мэй спросил у Хилла, не нужен ли тому материал для вскрытия.

– Да не особенно, – ответил Хилл, но тут же, не совладав с любопытством, поинтересовался: – А что у вас есть?

– Мужская туша, – сообщил Мэй, едва ворочая языком (он был изрядно пьян).

Речь шла о теле 14-летнего мальчика. Пришедшие готовы были расстаться с ним за 12 гиней.

Хилл заявил, что цена слишком высока, что школа сейчас не нуждается в трупах, но что он все же на всякий случай поговорит с анатомическим демонстратором. Он пригласил Мэя и Бишопа войти (на мокрых и мрачных улицах ноябрьского Лондона было не слишком уютно), после чего сходил за Ричардом Партриджем. Тот, как и Хилл, отказался платить запрошенную сумму и предложил девять гиней.

– Да разрази меня гром, если он стоит меньше десятки! – с этими словами Мэй сплюнул на пол и, шатаясь, вышел вон.

– Понимал бы чего, – отмахнулся его подельник Бишоп. – Напился как свинья. Сойдет и за девять монет.

Бишоп с Мэем исчезли среди серых улиц и вернулись между двумя и тремя часами дня. Они привели с собой двух коллег – Томаса Уильямса и Майкла Шилдса. Визитеры приволокли большую плетеную корзину. Хилл пригласил их внутрь. Бишоп и Мэй затащили корзину в смежную комнату и, открыв крышку, показали труп, завернутый в холстину. Пьяный Мэй, по видимому, плохо соображал и «весьма неосторожно вытащил труп из мешка»⁷⁷.

Труп, заявили оба, был «очень недурной». Хилл заметил, что он выглядел «совсем свежим», и вслух подивился, отчего это покойник умер в столь нежном возрасте. В ответ Бишоп и Мэй лишь пожалы плечами. «По виду тело не походило на лежавшее прежде в гробу, – отметил позже Хилл, опытный в таких делах. – Левая рука была вывернута к голове, пальцы на ней тесно сжаты». Порез на лбу мертвого мальчика возбудил у Хилла некоторые подозрения, но Бишоп настаивал, что лоб просто случайно поранили, когда тело выпало из обертки. Хилл не знал, что и думать. Он позвал Партриджа, чтобы тот посмотрел сам⁷⁸.

Партридж в сопровождении нескольких своих студентов вошел в помещение и осмотрел доставленный товар. «Глаза казались весьма свежими, губы – полнокровными, – вспоминал демонстратор. – Притом грудь выглядела так, словно с нее недавно стерли кровь». Партридж ненадолго вышел вместе с коллегами – якобы для того, чтобы принести деньги, необходимые для совершения сделки. Один из студентов не мог не заметить, что по своему виду тело «отвечало описанию мальчика, который недавно пропал, о чем сообщали афишки, развешанные на окрестных улицах»⁷⁹.

Вернувшись, Партридж объявил Бишопу и Мэю, что у него только 50-фунтовая банкнота и кое-какая мелочь, но, если они готовы подождать, он разменяет крупную купюру.

⁷⁷ *The Trial, Sentence, and Confessions of Bishop, Williams, and May at the Old Bailey on Friday, December 2, 1831* (далее – TSC), 14; *The Evening Mail*, 'Inquest on the Italian Boy,' 9 November, 1831.

⁷⁸ ...очень недурной... совсем свежим... По виду тело не походило... TSC, 14; Порез на лбу... *The Evening Mail*, 'Inquest on the Italian Boy,' 9 November, 1831.

⁷⁹ *The Berkshire Chronicle*, 'The Italian Boy,' 12 November, 1831.

– Дайте мелочь, уж какая есть, – предложил Бишоп, – а я тогда в понедельник зайду за остальным.

Мэй же предложил Партриджу отдать им 50-фунтовый билет – мол, они сами где-нибудь разменяют.

– Вот уж нет, – ответил Партридж с улыбкой и снова вышел из комнаты. Через 15 минут он вернулся – в сопровождении инспектора и нескольких констеблей из районного управления F (отвечавшего за Ковент-Гарден), которые и задержали четырех продавцов трупов. Мэй, расхрабрившись от выпитого, несколько раз ударил одного из сотрудников полиции, прежде чем буяна сумели утихомирить. Констебли отволокли арестованных (и корзину с трупом) в Ковент-Гарденское управление, причем избитый Мэй передвигался на четвереньках, «его голова была покрыта холщовым рабочим халатом». Старший офицер управления, суперинтендант Джозеф Сэдлер Томас, велел поместить четырех арестантов в одну комнату⁸⁰.

– Что вы можете сказать в свое оправдание? – спросил он у Мэя. – Вы обвиняетесь в присвоении этого материала неподобающим образом.

Мэй фыркнул:

– Я тут ни при чем. Матерьялец вон того джентльмена, – он ткнул пальцем в сторону Бишопы. – А я только за ним увязался, когда он пошел продавать.

Томас поинтересовался у Бишопы, чье это тело.

– Мое, – ответил Бишоп, – а ежели хотите знать, как я им разжился, сами кумекайте. Может, и сообразите.

Затем Томас спросил, чем Бишоп зарабатывает на жизнь.

– Трупы ворую, черт побери!⁸¹

Оставив арестованных, суперинтендант прошел в одно из задних помещений участка, чтобы осмотреть принесенное тело. Два констебля вынули мертвого мальчика из корзины, осторожно извлекли из мешка и положили на стол. «Я сразу понял, что это тело человека, который умер недавно, – заметил Томас. – На мой взгляд, из челюстей были насильственным путем извлечены зубы»⁸².

Больше труп ничего не смог ему поведать.

* * *

В тот же вечер арестантов под усиленным полицейским конвоем доставили в Магистратский суд на Боу-стрит. «Вид покойного и тот факт, что двое из арестованных – хорошо известные похитители тел, почти тотчас же породили слухи, будто несчастный мальчик подвергся бёркингу со стороны задержанных, – писала *The Times*. – Толпы, окружившие здание и пытавшиеся прорваться в него, чтобы услышать допрос, оказались куда многочисленнее, чем мы могли бы припомнить по каким-либо предыдущим случаям»⁸³.

Одержимые болезненным любопытством заполнили зал суда под завязку. Томас, принеся присягу, сообщил, что предъявляет четырем задержанным обвинение в «убийстве мальчика примерно четырнадцати лет», чье имя назвать не может. Суперинтендант добавил: хотя он сейчас и не располагает доказательствами, представители Королевского колледжа могут засви-

⁸⁰ TSC, 15, 19.

⁸¹ Разговор между Томасом и арестованными воссоздан по: TSC, 19; *The Evening Mail*, 'An Inquest on the Italian Boy,' 9 November, 1831.

⁸² TSC, 11.

⁸³ *The Times*, в разделе «ПОЛИЦЕЙСКАЯ ХРОНИКА», 7 November, 1831.

детельствовать, что арестованные пытались продать тело. Томас сообщил суду, что уже после ареста Бишоп заявил: он приобрел тело в колледже Гая⁸⁴.

– Я направил запрос в больницу Гая, желая узнать, умирал ли у них недавно мальчик, отвечающий такому описанию, – объяснил Томас. – Получил справку, из которой явствовало, что с 28-го числа там скончалось три человека: одна женщина и двое мужчин в возрасте тридцати трех и тридцати семи лет. Поэтому утверждение Бишоп касательно того, где он приобрел тело, не может быть верным.

На вопрос, имеет ли он что-нибудь сказать в свою защиту, Бишоп промолчал. А Мэй, «одетый в крестьянскую блузу и казавшийся совершенно беспечным в ходе всего допроса», разыграл неведение.

– Это не мой покойник, – заявил он, – и ничего я про него не знаю.

Уильямс и Шилдс объявили о своей невинности.

Судья постановил, чтобы арестованных оставили под стражей, и распорядился провести вскрытие трупа, «дабы прийти к твердому заключению касательно причины смерти».

«Затем арестантов препроводили в камеры, расположенные в задней части здания суда, – писал один репортер. – По пути некоторые из собравшихся в зале провожали их стонами неудовольствия и сердитым шипением»⁸⁵.

Доктор Джордж Бимен, местный хирург, в ту же ночь произвел беглый осмотр тела в полицейском участке. По оценке Бимена, мальчик был мертв не более 36 часов. «Лицо выглядит распухшим, – отмечал он, – язык раздут и высунут, глаза выкачены и налиты кровью». Кроме того, он заметил над левой бровью рану примерно дюйм длиной. Из разреза продолжала сочиться кровь, однако лобная кость, по-видимому, не треснула. «Все зубы извлечены, – сообщил он, – десны имеют ссадины и синяки; части [нижней] челюстной кости сломаны и вынуты вместе с зубами»⁸⁶.

На другое утро, в субботу 6 ноября, мимо тела ребенка прошествовала печальная процессия отчаявшихся людей. Томас уже получил восемь просьб разрешить осмотр покойника – от родителей пропавших мальчиков «возрастом 13–14 лет». «Родители не простили бы себе свое отсутствие на таковой процедуре, – писал он, – и все они явились в большом смятении чувств. Один из пропавших мальчиков был глухонемым»⁸⁷.

Впрочем, никто из этих опечаленных родителей не признал загадочного мальчика за своего сына. Одна итальянская пара заявила, что узнала его, но не знает его имени: уличный музыкант Джозеф Парагалли и его жена утверждали, будто на протяжении последних двух лет иногда мельком видели этого мальчика. Он тоже был итальянцем и часто бродил по улицам, повесив на шею клетку с двумя белыми мышами. В последний раз они заметили его, когда он шел по Оксфорд-стрит в четверть первого пополудни 1 ноября, во вторник⁸⁸.

Скудные сведения. Но хоть что-то.

Вечером Бимен вместе с Ричардом Партриджем и профессором анатомии Королевского колледжа Гербертом Майо произвел вскрытие. В области груди и передней части шеи тело «не выказывало ни малейших признаков учиненного над ним насилия». Однако при осмотре верхней части черепа Бимен обнаружил непосредственно под кожей кровь, указывающую на «примененное насилие или несчастный случай». Перевернув тело, он стал снимать кожу с нижней части головы и двинулся дальше; миновав плечи, увидел «три или четыре унции» свернувшейся крови «среди мышц в этой области». Позвоночник не имел трещин, однако, вынимая

⁸⁴ Имеется в виду больница Гая, входящая в состав Королевского колледжа.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ TSC, 17.

⁸⁷ ...возрастом 13–14 лет... был глухонемым. *The Evening Mail*, 'An Inquest on the Italian Boy,' 9 November, 1831.

⁸⁸ TSC, 25.

дужку одного из позвонков для осмотра спинного мозга, Бимен обнаружил «в позвоночном канале некоторое количество свернувшейся крови... давящей на спинной мозг»⁸⁹.

В сердце не осталось крови – признак внезапной смерти. Желудок содержал частично переваренную пищу, от которой сильно несло ромом. «В момент смерти процесс пищеварения продолжался, – отметил Бимен. – Полагаю, смерть наступила примерно через три часа после трапезы». Он вытер окровавленные руки о свой кожаный фартук. «Судя по моим наблюдениям тела, – заключил он впоследствии, – летальный исход наступил от удара в заднюю часть шеи»⁹⁰.

* * *

Утром во вторник, 8 ноября, суперинтендант Томас был вызван к дантисту Томасу Миллзу, практиковавшему по адресу Бридж-Хаус-плейс, 39. Миллз прочел о мертвом мальчике в газете, особенно обратив внимание на подробности о пропавших зубах. Врач достал небольшой матерчатый мешочек и опорожнил его над столом. Полицейский увидел перед собой россыпь зубов. Миллз заявил: 4 ноября, в пятницу, некий мужчина вошел к нему в приемную и предложил продать за одну гинею 12 человеческих зубов, «шесть на каждую челюсть». Миллз осмотрел принесенные зубы, заметил, что один слегка сколот, и осведомился, все ли они взяты из одного рта.

– Богом клянусь, – заверил пришедший, – все были в одной голове, совсем недавно.

Он объяснил, что зубы взяты из свежего непогребенного трупа мальчика 14–15 лет. Миллз предложил 12 шиллингов за весь набор⁹¹. Незнакомец согласился и, получив деньги, ушел⁹².

– Когда я затем осмотрел их, – рассказывал Миллз, – то обнаружил, что к ним очень прочно пристала некоторая часть плоти десен: вероятно, их насильственным образом извлекали из головы. Мне стоило огромного труда отделить эту плоть от зубов⁹³.

Захватив зубы (вероятнее всего, принадлежавшие именно этому мертвому мальчику), Томас вернулся к себе в участок. Днем должно было начаться коронерское следствие – в пабе «Единорог» на Хенриэтта-стрит.

«Помещение, где происходило следствие, оказалось забито людьми так, что едва хватало воздуха», – отмечал один из очевидцев. Три дня, на протяжении которых приводились медицинские свидетельства, а Томас перечислял факты, так и не пролили свет на то, кто этот мальчик и каким образом его постигла такая участь. Четверо обвиняемых явно не спешили прояснить дело. Бишоп, отступив от своих первоначальных показаний, заявил, что не приобрел труп в больнице Гая, а выкрал его непосредственно из могилы.

– Не хотелось мне говорить, что я его из могилы вытащил, – пояснил он, – потому как местные сторожа мне доверяют, а они люди семейные, не хочу я их надувать⁹⁴.

Присяжных не тронуло это совестливое заявление. По отношению ко всем четверем обвиняемым они вынесли вердикт об «умышленном убийстве, совершенном одним или несколькими неустановленными лицами» (стандартная формулировка: неизвестно было, кто, собственно, убил мальчика) и призвали Скотленд-Ярд провести «тщательное расследование сего дела»⁹⁵.

⁸⁹ *The Evening Mail*, 'An Inquest on the Italian Boy,' Wednesday, 9 November, 1831; TSC, 16, 17.

⁹⁰ TSC, 17–18.

⁹¹ 1 гинея = 21 шиллинг.

⁹² Там же, 23.

⁹³ Там же.

⁹⁴ *Помещение, где происходило следствие... The Globe*, 'Inquest on the Italian Boy,' 9 November, 1831; *Не хотелось мне говорить... The Public Ledger and Daily Advertiser*, 'The Italian Boy – Adjourned Inquest,' 11 November, 1831.

⁹⁵ *The Public Ledger and Daily Advertiser*, 'The Italian Boy – Adjourned Inquest,' 11 November, 1831.

* * *

Расследование продвигалось с удивительной скоростью – несмотря на то, что охватывало главным образом тот дом, где проживали Бишоп с Уильямсом (Нова-Скотиа-Гарденз, 3, в Бетнал-Грин⁹⁶), и питейные заведения, которые они посещали. Один такой кабак именовался «Превратности войны», он находился по адресу Гилтспур-стрит, 4, напротив больницы Святого Варфоломея, и славился как место сборищ «воскресителей». Здесь расхитители могил сбывали товар – в задней комнате, «где в ожидании оценки хирургов [возможных покупателей] на скамьях вдоль стен выставлялись трупы, добытые похитителями, с должным указанием имен»⁹⁷⁹⁸.

Половой, служивший в этом пабе, сообщил, что обвиняемые провели там вечер 4 ноября. По его словам, примерно в девять вечера Мэй подошел к стойке бара, держа нечто завернутое в носовой платок.

– Я видел, как он льет на платок воду и трет рукой, – рассказывал служитель. – Потом он развернул платок, и я увидел, что там зубы. Мне показалось – кого-то молодого, так я ему и сказал.

Мэй согласился с этой оценкой и признался половому, что надеется выручить за них не меньше двух фунтов. На следующее утро, в восемь часов, Бишоп с Уильямсом вернулись в паб; вскоре к ним присоединился Шилдс. Служитель слышал, как за пинтой эля они обсуждают, где бы найти большую корзину. Один предложил – в больнице Святого Варфоломея. Бишоп покинул заведение и скоро вернулся с корзиной, после чего все трое вышли вместе. «Больше я их не видел, пока их не арестовали», – добавил половой⁹⁹.

Томас и его команда полицейских упорно двигались по этому мрачному следу – от одних свидетельских показаний к другим. Так они вышли на кучера по имени Джеймс Сигрейв. По его словам, вечером, 4 ноября, в пятницу, обвиняемые подошли к нему возле паба «Датский король» в окрестностях улицы Олд-Бейли.

– Надел я моей кляче на морду торбу с овсом, – рассказывал извозчик, – и пошел, как всегда, в кабак выпить чаю. – Только-только он устроился за стойкой, как услышал, что его кто-то окликает по имени. Подняв глаза, увидел, как к нему приближается Бишоп, за которым шел Мэй. – Он [Бишоп?] отвел меня в сторонку и сказал, что хочет, чтобы я отвез «жмурика». Я сразу смекнул: речь про какого-то покойника. – Сигрейв добавил, что Бишоп и Мэй предложили ему за труды гинею. Он вернулся к стойке, чтобы обдумать предложение. – Кто-то из клиентов заведения пихнул меня под локоть и намекнул, что эти – из «похитителей», так что я решил с ними не ехать¹⁰⁰.

Вот какие сведения (если свести все к набору сухих фактов) получил Томас в ходе своих разысканий: 4 ноября, в пятницу, у обвиняемых имелось тело мальчика, которое они хотели продать. Между девятью и десятью часами утра Мэй продал зубы мальчика дантисту Томасу Миллзу. Вечером того же дня один из соседей Бишопа видел, как обвиняемые грузят какой-то мешок в желтую коляску, стоящую у коттеджа Бишопа в Бетнал-Грин. «Мешок, похоже, был порядочного веса, – рассказывал сосед, – словно в нем что-то тяжелое». Затем они, по словам свидетеля, укатили «в город». Злоумышленники пытались продать труп нескольким

⁹⁶ Бетнал-Грин – в то время один из восточных пригородов Лондона, ныне один из районов столицы, часть Ист-Энда.

⁹⁷ Вероятно, имен продавцов, чтобы удобнее было расплачиваться. Имена покойников в данном случае не имели значения (и едва ли были всегда известны).

⁹⁸ ...где в ожидании оценки хирургов... Notes and Queries, 223.

⁹⁹ TSC, 19–20.

¹⁰⁰ Там же, 21.

учреждениям, однако им везде отказывали. В частности, подсобный рабочий прозекторской при больнице Гая заявил им, что его не интересует их предложение. «Сами знаете, не могу я его купить, – пояснил он. – Я у вас уже двух покойников вчера купил, да и они мне, по правде сказать, были не очень-то нужны». Впрочем, он разрешил им оставить труп на ночь в здании больницы. Наутро (5 ноября, в субботу) они забрали тело, поместили его в раздобытую корзину и пересекли реку, чтобы добраться до Королевского колледжа. А дальше их, как мы уже знаем, ждал арест¹⁰¹.

Однако все эти сведения не позволяли понять, как же Бишоп и его подручные достали тело. Кроме того, оставался вопрос: кто был этот мальчик, откуда он взялся, как встретил свой печальный конец? 11 ноября, в пятницу, его похоронили в безымянной могиле (в каких зарывали нищих) на кладбище при соборе Святого Павла в Ковент-Гардене. В пылкой редакционной статье *The Times* возмущенно обвиняла Бишоп и его подельников даже не в одном убийстве, а во множестве:

Если негодяи схватили на наших улицах беззащитного ребенка-иностранца и, умертвив, тем приготовили его к ножу хирурга, если они рыскали в округе, стремясь раздобыть материал для прозекторской, можно с уверенностью предположить, что для них это стало не единственным злодеянием подобного рода¹⁰².

В день похорон мальчика Томас и полицейский констебль Джозеф Хиггинс отправились к Бишопу домой и арестовали его жену Сару и дочь Роуду на том основании, что те якобы знали об убийстве. Прибыв к обветшавшему домику, Томас поразился его виду: «Это был один из этих уединенных коттеджей, где до ближайшего уличного фонаря четверть мили, притом полуразвалившийся, с черным ходом, глядящим на какой-то пустырь»¹⁰³.

При обыске в коттедже обнаружили несколько долот и два гаечных ключа – Сара призналась, что эти инструменты «использовали для вскрывания гробов». Хиггинс обнаружил также шило-пробойник – ручной инструмент, похожий на небольшую заостренную отвертку. Он был покрыт запекшейся кровью. «Я осведомился у нее, какой цели служил этот инструмент, – рассказывал Хиггинс, – однако она не дала ответа, из чего я заключил, что его применяли для выбивания зубов». Вскоре обеим женщинам предъявили обвинение в пособничестве преступлению после его совершения¹⁰⁴.

* * *

Томас, Хиггинс и некоторые другие сотрудники районного управления F, один из которых «имел в юности опыт работы садовником», вернулись к коттеджу утром в субботу, 19 ноября, вооружившись лопатами, «в расчете на возможное обнаружение каких-то иных улик, связанных с ужасным промыслом арестованных». Они копали более шести часов. Из земли пустыря, считавшегося придомовым садиком, вырыли «куртку, пару брюк и небольшую рубашку». В другом месте садика нашли под землей «синее пальто, жилет в темно-коричневую полоску, первоначально сшитый на взрослого мужчину, но переделанный так, чтобы подходить мальчику, а также пару брюк с прикрепленными к ним подтяжками». Эти предметы,

¹⁰¹ TSC, 22; *Сами знаете, не могу я его купить... Bell's Weekly Messenger*, 'Alleged Case of Horrid Murder by Burking an Italian Boy,' 13 November, 1831.

¹⁰² Описание похорон и фрагмент статьи *The Times* взяты из: Wise (Kindle Edition).

¹⁰³ *The Morning Advertiser*, 'The Murder of the Italian Boy,' 12 November, 1831.

¹⁰⁴ ...использовали для вскрывания... применяли для выбивания зубов. *Bell's Weekly Messenger*, 'Alleged Case of Horrid Murder by Burking an Italian Boy,' 14 November, 1831; *The Public Ledger and Advertiser*, 'Alleged Murder of the Italian Boy,' 12 November, 1831.

зарытые на футовой глубине, «были покрыты пеплом и золою». Возле дома удалось отыскать и иные секреты: близ уборной, находившейся в задней части садика, полицейские выкопали куски человеческого тела и скальп, вероятно, женский – с длинными темно-каштановыми волосами¹⁰⁵.

В тот же день обыскали и сам коттедж. Всего через восемь дней после погребения ребенка сотрудники «Ярда» эксгумировали «мальчика-итальянца». Августин Брюн, «престарелый бирмингемский падроне»¹⁰⁶, приехал в Лондон осмотреть тело. Бирмингемец заключил, что оно принадлежит пареньку по имени Карло Феррари, которого он привез в Англию два года назад: Брюн стал распоряжаться судьбой мальчика после того, как отец Карло «отписал его за плату». В последний раз Брюн видел ребенка в июле 1830 года, когда «отписал» мальчика другому хозяину. Несмело заглядывая в гроб, Брюн через переводчика сообщил: он считает, что это Карло, хотя он не может быть в этом совершенно уверен. Позже падроне пояснил: «Лицо было обезображено, а отсутствие зубов весьма изменило обычную внешность мальчика»¹⁰⁷.

В тот же вечер Томас сообщил о результатах своего расследования боу-стритскому судье Миншаллу. Как отмечается в одном описании, «сей доклад был такого рода, что почтенный Судья немедленно исполнился изумления и ужаса». Через три дня обвиняемые предстали перед Миншаллом, чтобы выслушать новые доказательства против них. На основании находок в Нова-Скотиа-Гарденз Бишопу, Мэю и Уильямсу грозило дополнительное обвинение – в «умышленном убийстве неизвестного мужчины». Процесс над ними, занявший всего один день, прошел в пятницу, 2 декабря, в суде Олд-Бейли¹⁰⁸. Шилдсу повезло больше сообщников. Его отпустили, так как суд счел: имеющиеся улики «показывают, что он ничего не знал о деле и лишь перенес корзину» с телом мальчика в Королевский колледж¹⁰⁹.

«Никакой судебный процесс в этом или каком-либо ином уголовном суде страны не привлекал большего внимания общества и не возбуждал более глубокого интереса в умах людских, – уверяла одна из лондонских газет. – И, несомненно, еще не бывало, чтобы представшие перед суровым судом, обвиняющим их по страшному делу, касающемуся вопросов жизни и смерти, вызывали у публики столь же мало сострадания, как три человека, выведенных в тот день на процесс»¹¹⁰.

В девять утра они заявили о своей невиновности, к половине девятого вечера суд признал их виновными, а еще через полчаса их приговорили к смертной казни. Колеса правосудия вертелись споро: казнь назначили уже на понедельник, 5 декабря. Накануне того дня, когда им предстояло закататься на виселице в Ньюгейтской тюрьме, Бишоп и Уильямс сознались в содеянном, причем именно Бишоп дал самый пространный отчет об их преступлении. Он заявил, что мальчишка был никакой не итальянец, а один постреленок из Линкольншира, которого они с Уильямсом подобрали в пабе «Колокол» в Смитфилде вечером 3 ноября, в четверг. Они заманили мальчика в дом Бишопа, пообещав бедняге работу. В доме, когда все остальные уже легли, они дали мальчику рома, в который подмешали опиум. Он запил ром пивом и вскоре

¹⁰⁵ ...в расчете на возможное обнаружение ... куски человеческого тела и скальп... *The Times*, 'The Murdered Italian Boy,' 21 November, 1831; ...куртку, пару брюк... покрыты пеплом и золою. TSC, 27.

¹⁰⁶ Падроне – делец, эксплуатировавший уличных музыкантов, нищенствующих детей, рабочих-эмигрантов и т. п. (особенно в Британии и США).

¹⁰⁷ ...престарелый бирмингемский падроне... «отписал его за плату». Wise (Kindle Edition); *The Times*, 'The Murdered Italian Boy,' 21 November, 1831; Лицо обезображено... TSC, 24.

¹⁰⁸ Олд-Бейли – расхожее название Центрального уголовного суда Англии и Уэльса (находящегося на одноименной улице).

¹⁰⁹ ...сей доклад был такого рода... *The London Courier and Evening Gazette*, 'The Murdered Italian Boy,' 21 November, 1831; ...умышленном убийстве... *The Times*, 'Trial of Bishop, Williams, and May of the Italian Boy,' 3 December, 1831; ...показывают, что он ничего не знал... *The (London) Morning Herald*, 'Final Examination of the Parties Charged with the Murder of the Italian Boy,' 26 November, 1831.

¹¹⁰ *The Public Ledger and Daily Advertiser*, 'Trial of the Three Resurrection Men for the Murder of the Italian Boy,' 3 December, 1831.

без чувств валялся на полу. Два злоумышленника выволокли его на задний двор, обвязали лодыжки веревкой и затем головой вниз спустили в садовый колодец.

– Он почти весь ушел под воду, одни ступни торчали, – вспоминал Бишоп. – Уильямс привязал другой конец веревки к забору, чтоб тело совсем не утонуло – тогда бы мы его не достали. Малец немного побултыхался руками и ногами, с минуты шли пузыри¹¹¹.

Они оставили его под водой на протяжении 45 минут, после чего вытащили, раздели догола и зарыли одежду. Спрятав тело в домике прачечной, убийцы улеглись спать. Почти весь следующий день (пятницу, 4 ноября) они провели в пабе «Превратности войны». Именно там они утром случайно встретились с Мэем. «Я Мэя знал, – сообщил Бишоп, – но перед этим его недели две не видал». Они стали пить ром и обсуждать, почему нынче идет свежий покойник. Порешили на том, что запросить девять гиней будет справедливо. Поздним утром отправились искать кэбмена, который помог бы им возить товар по городу. Не сумев найти подходящего извозчика, они наняли на Фаррингдон-стрит желтую коляску и вернулись в Нова-Скотиа-Гарденз показать Мэю, что у них есть. Мэй не знал, что мальчик именно убит (а не скончался от естественных причин или несчастного случая), и спросил, нельзя ли ему забрать его зубы. Бишоп согласился и дал Мэю пробойник, чтобы их вышибить.

Рисунок 1831 года, изображающий Джона Бишопа, Томаса Уильямса и Джеймса Мэя – «лондонских бёркеров»

– Обычно так и поступают – первым делом вынимают зубы, – пояснил Бишоп, – потому как ежели покойник куда-нибудь денется, так хоть зубы останутся. После того как мы вынули зубы, мы сунули труп в мешок и оттащили к нашей повозке.

Затем они покатали продавать «эту штуковину» (выражение Бишопа) – но попытки завершились прискорбно¹¹².

Уильямс подписал показания, из которых явствовало, что признание Бишопа – правда. Парочка также созналась, что сходным образом убила бездомную по имени Фанни Пигберн,

¹¹¹ Подробности смерти мальчика взяты из: TSC, 36–37.

¹¹² Показания Бишопа* приводятся по: TSC, 37–38.* Если ссылка дается просто на «показания такого-то» (без уточнения «в суде» или «процесс такого-то»), речь идет о сведениях, полученных в ходе беседы данного лица с полицией или его допроса полицейскими.

которую они нашли в ночь на 10 октября (она ночевала под аркой возле двери одного из домов в Шордиче). Ее тело они продали в Анатомический театр Грейнджера за восемь гиней. Через две недели набрали на мальчика по имени Каннингем, ночевавшего на смитфилдском свином рынке. Они расправились с ним уже привычным манером и продали труп в больницу Святого Варфоломея, обогатившись еще на восемь гиней¹¹³.

Тот факт, что Мэй не участвовал в собственно убийствах, отсрочил его повешение на 12 часов. Бишопу и Уильямсу подобные послабления не светили, и они были казнены утром 5 декабря – близ здания Ньюгейтской тюрьмы, под улюлюканье многотысячной толпы. «Не прошло и двух минут после их восхождения на эшафот, – писала *The Preston Chronicle*, – как был подан обычный сигнал и люк под виселицей отворился. Бишоп, по-видимому, умер мгновенно, Уильямс же корчился еще несколько минут»¹¹⁴.

Следуя обычной практике, тела оставили висеть на протяжении часа, после чего веревки обрезали. После смерти два злодея двинулись вполне закономерным путем: труп Бишопа отвезли в прозекторскую Королевского колледжа, а тело Уильямса стало материалом для медицинских штудий в больнице Святого Варфоломея.

* * *

Впрочем, в деле оставались нераспутанные нити. Скотленд-Ярд так и не сумел установить личность «мальчика-итальянца». Заявление Бишопа, что жертва родом из Линкольншира, не вызвало особого доверия, так как власти графства не сообщали в последнее время о каком-либо пропавшем ребенке. Кроме того, общественность взволновало количество жертв, погибших (возможно) от рук «лондонских бёркеров» (как прозвали Бишопа с Уильямсом). Ходили слухи, что Бишоп хотел сознаться аж в 60 убийствах, но очень может быть, что газетчики сознательно преувеличили цифры, дабы поднять тиражи. Так или иначе, несмотря на все вопросы, остававшиеся без ответа, это дело стало одним из первых громких достижений Скотленд-Ярда¹¹⁵.

Преступление так заинтриговало публику, что «Ярд» даже убедил владельца жилища, где обитал Бишоп, разрешить любопытным организованно посещать этот «кровавый дом» в Нова-Скотиа-Гарденз, чтобы помешать неминуемому «безудержному наплыву сотен зевак, запрудивших узкие дорожки здешних садов и пытавшихся подобраться поближе к средоточию ужаса». У входа в дом установили пропускные будки, «притом предписывалось допускать лишь чистую публику». Охотники за сувенирами обобрали дом подчистую. Журнал *The Examiner* сообщил с немалой долей мрачного юмора: «Домовладелец, в чьих покоях произошло убийство, делается ныне вполне обеспеченным человеком... Если кто-то подобный Бишопу готов был совершить убийство за 12 фунтов (кажется, таковы средние рыночные расценки за один труп, проданный для вскрытия), то владелец сего скромного жилища мог бы счесть выгодным для себя нарочно убедить злодея обратиться в место трагедии, чтобы хозяин потом мог наделать зубочисток из здешних досок и планок и торговать этими зубочистками по цене за штуку»¹¹⁶.

Отзвуки этого дела не затихали еще долго. Отреагировав на него (в числе прочих дел об убийствах), парламент в 1832 году принял так называемый Анатомический закон (четырьмя годами раньше парламентарии уже предпринимали попытку провести подобный закон, но она

¹¹³ Там же, 40, 42.

¹¹⁴ *He passed in two minutes... The Preston Chronicle, 'The Trial of Bishop, May, and Williams for the Murder of the Italian Boy,' 10 December, 1863.*

¹¹⁵ Wise (Kindle Edition).

¹¹⁶ Там же.

провалилась). Целью его был подрыв нелегальной торговли трупами. Для этого предлагалось обратиться к новому источнику «товара» – беднякам. Теперь неустрашенные тела нищих разрешалось бесплатно передавать для легальных медицинских исследований. Впоследствии удалось принять еще целый ряд постановлений в данной сфере, и наконец в 2004 году появился закон «О человеческих тканях», собравший воедино все предыдущие законодательные акты и поправки к ним, касающиеся регулирования «отбора, хранения, использования и утилизации человеческих тканей»¹¹⁷.

¹¹⁷ Anatomy Act of 1832, там же; ...отбора, хранения, использования... Human Tissue Authority website; BBC News, 'Q&A: Human Tissue Act', 30 August, 2006.

2

Расчленители

«Трагедия на Эджуэр-роуд». Полюбуйтесь на отрезанную голову

Скотленд-Ярд, делавший лишь первые шаги, вступил в 1830-е годы без отдела детективов в штатском. Сама мысль о полицейском, тайно выполняющем свою работу в гражданском платье, подогревала общественную паранойю и вечный страх перед всевидящим оком государства. Такие полицейские, рассуждали опасаящиеся, с легкостью могут играть роль согладатаев. Тем не менее «Ярд» иногда прибегал к помощи сотрудников в штатском – скажем, во время Парада лорд-мэра¹¹⁸. Отсюда «оставался лишь один шаг до применения их для подслушивания разговоров в трактирах или даже для проникновения на разного рода собрания». Эта проблема вызвала в обществе ожесточенную дискуссию в мае 1833 года, когда сержант Попэй, выдавая себя за обнищавшего художника, проник в ряды Национального союза рабочих классов – «подрывной» (по мнению властей) организации, продвигавшей социалистические идеи улучшения положения рабочих. Попэй узнал, что ближайшее собрание состоится 13 мая в Колдбат-Филдс, «на этой пустоши близ Кларкенуэллского исправительного дома», в лондонском районе Ислингтон¹¹⁹.

«Ярд» привлек к операции 600 констеблей, которые, по словам очевидца, двинулись к месту проведения собрания «плотным строем, с военной четкостью». Как сообщала *The London Courier and Evening Gazette*, «последовало яростное столкновение; кое-кто в толпе орудовал дубинками, начиненными свинцом». Полиция усмирила разъяренную толпу, однако не без потерь. После стычки обнаружилось, что полицейский констебль Роберт Калли лежит на земле «с обильно кровоточащею колотою ранюю в левом боку; не прошло и десяти минут, как бедняга испустил дух»¹²⁰.

Коронерское расследование смерти Калли вынесло вердикт «оправданное убийство» – к большому неудовольствию Скотленд-Ярда. Созданный парламентом Особый комитет, призванный изучить этот случай, также осудил действия полиции. Он обвинил Попэя в том, что полисмен «привнес методы обмана и сокрытия правды в обычный ход частной жизни». Комитет заявил, что полицейские в штатском должны использоваться лишь для выявления или расследования преступлений, а не для безответственных попыток предотвращать их. Если же полиция использует подобных сотрудников под каким-то иным предлогом, это «крайне противно настроениям общества и совершенно чуждо духу конституции»¹²¹. Даже при таких ограничениях сама мысль о создании отдела полицейских в штатском продолжала вызывать беспокойство. Скотленд-Ярд все еще действовал как бы в рамках испытательного срока, ему лишь предстояло заслужить доверие общества. Как отмечается в одном из первых исторических

¹¹⁸ Парад лорд-мэра – ежегодное торжественное мероприятие в честь назначения нового лорд-мэра Лондона. Включает в себя красочное церемониальное шествие. Проводится с XIII века.

¹¹⁹ ...оставался лишь один шаг до применения их для подслушивания разговоров в трактирах или даже для проникновения на разного рода собрания... *Begg and Skinner*, 22; ...подрывной... *Кларкенуэллского исправительного дома*... *Browne*, 104.

¹²⁰ *Browne*, 104–105; ...плотным строем... бедняга испустил дух. *The London Courier and Evening Gazette*, 'The Meeting of the National Union,' 14 May, 1833.

¹²¹ В данном случае – фигура речи, означающая свод законов: в Великобритании нет официальной конституции в виде единого документа.

исследований «Ярда», «случай с Попэем отвратил комиссаров от вступления на эту почву [т. е. от создания подобного отдела], которая казалась довольно опасной»¹²².

Хотя новой полиции предписывалось в первую очередь предотвращать преступления, а не выявлять их, ей следовало «по долгу службы расследовать всякое правонарушение, о котором становилось известно». Новая структура проявила неплохие расследовательские таланты в деле «мальчика-итальянца» – и вскоре подтвердит свою искусность в ходе так называемой Трагедии на Эджуэр-роуд¹²³.

Все началось днем в среду, 28 декабря 1836 года. Каменщик-мостовщик Роберт Бонд обнаружил нечто неприятное под камнем мостовой на стройке, которая шла на Эджуэр-роуд, близ одного конца Оксфорд-стрит. Камень четырех футов в длину и трех в ширину был выворочен из мостовой и прислонен к стене, сделанной из каменных же плит. Проходя мимо, Бонд заметил за этим камнем «что-то темное». Наклонившись, увидел мешок из грубой холстины, обвязанный веревкой¹²⁴.

Оттащив камень в сторону, Бонд увидел, что из таинственного свертка натекла лужа крови диаметром примерно девять дюймов. «Я вначале подумал, что там кусок мяса, – рассказывал Бонд, – но потом стал ворочать и нащупал руку». Он позвал напарника, который начал уговаривать Бонда открыть мешок. Бонд развязал бечевку, заглянул внутрь и с отвращением попятился. «Мы увидели человеческое тулово, – сообщил он позже. – Руки на груди сложены и подвязаны». Его панические крики: «Полиция! Полиция!» – привлекли внимание полицейского констебля Сэмюэла Пеглера, сотрудника районного управления S (Хэмстед): находясь в патруле, он как раз шел по противоположной стороне улицы¹²⁵.

Возле мешка Пеглер заметил кусок материи (как ему показалось, от детского платья) и обрывок полотенца – оба были пропитаны кровью и, возможно, использовались, чтобы унять кровотечение. Мужчины положили мрачный груз на телегу и отвезли в находившийся неподалеку Паддингтонский работный дом (такие заведения обеспечивали бедняков жильем и пищей в обмен на выполнение определенных работ). Там они перетащили останки в «мертвецкую». Поспешили вызвать доктора Гёрдвуда, приходского хирурга. «Тело было обвязано веревкой так, чтобы скрещенные руки прилегали к животу, глубоко в него погружаясь, – отметил врач, – и в таком положении втиснуто в мешок»¹²⁶.

Останки явно принадлежали женщине средних лет. Голову отсекли на расстоянии трех дюймов от грудины, а ноги отделили непосредственно под тазобедренным суставом. «По обеим сторонам берцовая кость наполовину пропилена в наружном направлении и затем отломана», – заключил Гёрдвуд. Врач заметил неглубокие разрезы на левом бедре и на правой стороне шеи. В ходе вскрытия он обнаружил, что из тела вытекла вся кровь, однако все внутренние органы кажутся здоровыми. «Бескровное состояние тела заставляет предположить, что отсечения были произведены вскоре после смерти», – отметил врач. Он не увидел никаких признаков болезни или шрамов от хирургических операций (такие шрамы могли бы указывать на какой-то скрытый недуг или проблемы со здоровьем), а значит, женщина, по всей вероятности, умерла скоропостижно и внезапно¹²⁷.

¹²² ...оправданное убийство... чуждо духу конституции. Browne, 105, 106; ...случай с Попэем отвратил... Melville, 310–311.

¹²³ ...по долгу службы расследовать... Begg and Skinner, 19.

¹²⁴ ...что-то темное... *The Morning Post*, 'A Mutilated Human Body Found,' 30 December, 1836.

¹²⁵ Там же; Я вначале подумал... сложены и подвязаны. *The Public Ledger and Daily Advertiser*, 'The Mysterious Affair in the Edgware Road,' 2 January, 1837; *The Times*, 'Suspected Murder,' 30 December, 1836.

¹²⁶ *The Public Ledger and Daily Advertiser*, 'The Mysterious Affair in the Edgware Road,' 2 January, 1837.

¹²⁷ Там же.

По оценкам Гёрдвуда, покойной было от 30 до 40 лет. Судя по длине рук и туловища, ее рост составлял около 5 футов 8 дюймов¹²⁸. На безымянном пальце левой руки имелся вдавленный след от кольца, сами же руки, с мозолями и грязью под ногтями, позволяли сделать вывод, что покойная «занималась домашнею работою». Недавно шел снег, и морозная погода затрудняла определение причины смерти. Тело не показывало никаких признаков разложения. «Возможно, тело провело три или четыре дня на том же месте и в том же положении, в каком его впоследствии обнаружили, – заметил Гёрдвуд. – Свежий вид трупа объясняется сильным морозом и выпавшим снегом: то и другое способствовало сохранению такового вида»¹²⁹.

Пока Гёрдвуд осматривал тело, констебль Пеглер, не боясь холода, вернулся на стройку. По другую сторону стены из каменных плит, у которой нашли труп, строители возводили ряд из девяти отдельно стоящих домов¹³⁰ (этот квартал называли «Кентерберийские виллы») – четыре из них пока представляли собой просто деревянные каркасы. Полицейский обыскал недостроенные здания, однако не нашел ничего подозрительного. Впрочем, обнаружение трупа заставило его по-новому отнестись к тому, что он увидел четыре дня назад, в канун Рождества, и чему поначалу не придавал значения¹³¹.

В тот вечер, в восемь часов, Пеглер, совершая обычный обход своего участка, проходил мимо этой же стройки и заметил «стоявшую рядом старую коляску, залепленную грязью, притом лошадь обращена была головою в сторону [центра] города». Коляска стояла рядом с дорожкой, которая шла параллельно той самой стене из каменных плит. Полисмен издали наблюдал за повозкой минут двадцать. Наконец она тронулась с места и скрылась в темноте. Тогда он не усмотрел в этом ничего подозрительного, однако теперь задумался. Может быть, он, сам того не сознавая, видел, как убийца избавляется от трупа? Когда мешок нашли, он был с обоих концов занесен снегом, проникавшим под камень, который заслонял его от взглядов прохожих. Снег лежал на верхней части мешка, но не под ним, а ведь снегопад начался лишь на Рождество, в десять утра¹³².

Но если даже полицейский и видел убийцу – теперь-то что он мог поделать?

К десяти вечера 28 декабря Пеглер и инспектор Джордж Фелтем из соседнего управления Т (Кенсингтон) были поставлены руководить расследованием. В те времена единственными следственными инструментами полицейского служили его смекалка и наблюдательность, так что Фелтему и Пеглеру предстояло справиться с непростой задачей. Им попросту не на чем было строить расследование. «Не удалось обнаружить других частей тела, – отмечалось по истечении двух дней после страшной находки, – а кроме того, не выявлено никаких улик, кои помогли бы установить исполнителей сего ужасного деяния»¹³³.

В пятницу, 30 декабря, *The Times* сообщала:

Начиная с середины дня среды величайшее возбуждение владеет жителями падингтонского прихода и его окрестностей вследствие обнаружения женского трупа близ заставы Пайн-Эппл на Эджуэр-роуд, в ужасающе обезображенном состоянии, при обстоятельствах, не оставляющих никаких сомнений в том, что жертву бесчеловечно умертвили, после чего изувечили тело, дабы помешать опознанию¹³⁴.

¹²⁸ Примерно 173 см.

¹²⁹ ...занималась домашнею работою. Там же; *Возможно, тело провело...* *The Times*, 'Suspected Murder,' 30 December, 1836.

¹³⁰ Т. е. не имевших общей стены с соседним домом (как часто бывает в английских городах).

¹³¹ *The Morning Post*, 'A Mutilated Human Body Found,' 30 December, 1836.

¹³² Там же.

¹³³ *Не удалось обнаружить...* *The Times*, 'Suspected Murder,' 30 December, 1836.

¹³⁴ Там же.

Со времен «мальчика-итальянца» убийство не производило такого шума в обществе. Огромная толпа несла вахту вокруг Паддингтонского рабочего дома, так что «господа медики неоднократно просили позволить им осмотреть останки». Сотни зевак навевались на место преступления, чтобы отколупнуть от пресловутой стены кусочек камня в качестве сувенира. Однако при всем неумемном любопытстве и газетной шумихе следователи пока не выявили ни одной сколько-нибудь значимой линии, по которой можно было бы развивать расследование. В дни после обнаружения трупа Фелтем и Пеглер прилежно проверяли бесчисленные сообщения, поступавшие от доброхотов, но никак не могли «уловить малейшие следы, кои указали бы, кто же эта злосчастная женщина». Расследование шло ни шатко ни валко более недели, «Ярд» и пресса толкли воду в ступе. Но в субботу, 7 января 1837 года, все переменялось¹³⁵.

* * *

Риджентс-канал проложен чуть севернее Центрального Лондона. Он соединяет Темзу (на востоке) с Гранд-Юнион-каналом (на западе) и служит одним из водных путей между столицей и промышленным севером Англии. Утром 7 января около половины девятого, после того как очередная баржа с углем проследовала через шлюз канала возле Степни (Восточный Лондон), смотритель шлюза Матиас Рольфе заметил, что шлюзовые ворота не закрываются до конца. Он решил посмотреть, в чем дело, и увидел, что створкам мешает закрыться плавающая в воде человеческая голова¹³⁶.

Достав лестницу, служитель спустился по ней в канал. Он сунул руку под воду, рассчитывая нащупать и тело, но «обнаружил, что голова ни с чем не соединяется и что она, очевидно, принадлежит женщине, так как на ней много очень длинных волос». Ухватившись за промокшие темные пряди, он вытащил находку на берег. Полиция доставила голову в усыпальницу при церкви Степни. Хирург городка Майл-Энд-Таун, действуя по распоряжению местного коронера, осмотрел голову и написал следующий отчет¹³⁷:

Лицо чрезвычайно обезображено из-за синяков. Нижняя челюсть с левой стороны треснула; левая щека и верхняя часть головы сильно иссечены. По всему вероятно, эти ранения получены уже после смерти: либо вследствие зажатия в шлюзе, либо при столкновении с судами, проходившими по каналу. Правый глаз выбит, но и это, по-видимому, произошло после смерти. Голову с немалой ловкостью отделили от тела неким заостренным орудием... Волосы темные, с небольшою проседью; можно предположить, что возраст жертвы – от сорока пяти до пятидесяти лет¹³⁸.

По оценке врача, голова пробыла в воде четыре-пять дней. Ее поместили в корзинку и вечером того же дня, в 10 часов, доставили инспектору Фелтему в один из паддингтонских участков (на Хермитедж-роуд). На другой день рано утром инспектор принес голову в Паддингтонский рабочий дом¹³⁹.

Пришлось эксгумировать туловище, которое успели зарыть в безымянной могиле на паддингтонском кладбище при церкви, «ибо оно источало ужасающий смрад». Доктор Гёрдвуд

¹³⁵ ...господа медики неоднократно просили... *The Morning Post*, 'A Mutilated Human Body Found,' 30 December, 1836; ...уловить малейшие следы... *The Morning Post*, 'The Late Mysterious Murder in the Edgware Road,' 12 January, 1837; *The Chelmsford Chronicle*, 'The Edgware Road Murder,' 13 January, 1837.

¹³⁶ *The Chelmsford Chronicle*, 'The Edgware Road Murder,' 13 January, 1837.

¹³⁷ *The Weekly True Sun*, 'The Edgware Road Murder,' 14 January, 1837.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ *The Times*, 'Discovery of the Head of a Female,' 8 January, 1837; 'The Late Mysterious Murder in the Edgware Road,' 10 January, 1837.

постарался хорошенько осмотреть голову. «Брови хорошо очерченные, – писал он, – и имеют темно-каштановую окраску, как и ресницы, которые не слишком длинны. Оставшийся глаз серый, с карим оттенком. Нос в верхней своей части приплюснутый, чуть выше кончика вдавлен. . . Все мы сочли, что лицо, скорее всего, принадлежит ирландке самого низкого звания». Голову отрезали в районе пятого позвонка; когда ее приставили к туловищу в области шеи, совпадение получилось идеальное. Однако и голова не дала никаких ответов насчет того, кому же она, собственно, принадлежит¹⁴⁰. Поэтому Фелтем (как сообщила *The Evening Standard*) сделал такое предложение:

Голова... сохраняемая в спиртовом растворе приходским хирургом, находится во владении властей Паддингтона, и всем, у кого в последнее время пропали родные или друзья, будут предоставлены самые широкие возможности для ее осмотра с целью опознания¹⁴¹.

Голову с искаженными и полуразложившимися чертами поместили в банке для солений на полку в Паддингтонском рабочем доме, и ею могли полюбоваться те, у кого имелись законные основания осмотреть мрачную находку. Впрочем, сюда рвались и просто одержимые нездоровым любопытством (таких нашлось немало). Однако никто не сумел опознать женщину, которой принадлежала голова.

Расследование вновь застопорилось, но 2 февраля, в четверг, получило новый импульс. Двое рабочих, расчищавших болотистый участок вдоль улицы Колдхарбор-лейн (Камберуэлл, Южный Лондон), наткнулись на обвязанный веревкой мешок из грубой материи, который «прятался в зарослях сорняков и камыша». Когда они разрезали веревку, из мешка вывалилась пара человеческих ног. Испуганные рабочие поспешно вылезли из кустов и побежали в брикстонский полицейский участок, до которого было всего ярдов триста. Несколько констеблей отправились за останками, а еще один уведомил местного хирурга об этой находке¹⁴²

¹⁴⁰ ...ибо оно источало... *The Weekly True Sun*, 'The Edgware Road Murder,' 15 January, 1837; *Брови хорошо очерченные...* *The Times*, 'The Late Mysterious Murder in the Edgware Road,' 10 January, 1837.

¹⁴¹ *The Evening Standard*, 'The Edgware-Road Murder,' 13 February, 1837.

¹⁴² *Bell's Weekly Messenger*, 'Discovery of the Legs of the Woman,' 5 February, 1837.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.